

Смерть Артура

Автор:

Томас Мэлори

Смерть Артура

Томас Мэлори

Роман английского писателя XV в. сэра Томаса Мэлори, носящий, по более поздней традиции, название «Смерть Артура», представляет собой как памятник литературы двоякую ценность. Это, с одной стороны, лучший в мире свод рыцарских романов так называемого Бретонского цикла – свод героических и сказочных сюжетов, восходящих, в свою очередь, к мифу и эпосу кельтских народов и к истории западной оконечности Европы в середине I тысячелетия н. э. Эти сюжеты содержат отголоски реальных исторических событий – например, борьбы британских кельтов против англов и саксов; и следы мифических представлений древних обитателей европейского северо-запада – целый мир глубокой, темной европейской старины. Характерно, что типичные для средневековья мотивы поисков божественной благодати служат здесь поводом для новых рыцарских приключений, а чаша Грааля оборачивается неким рогом изобилия. Создание XV в., книга Мэлори прежде всего – некий итог предыдущих четырех веков развития европейской рыцарской литературы, его завершение.

Томас Мэлори

Смерть Артура

Ветвь Грааля

И с тем поскакал он дальше, и по пути нашел он ветвь священной травы, которая была знаком Святого Грааля.

Загадочная «ветвь священной травы», найденная королем Багдемагусом, дала обильную поросль в английской поэзии, существенно обогатила образ Грааля – выходит, Грааль еще и растение, – задала работу символистам и культурологам, предполагавшим связь с древом познания или даже с мировым древом скандинавского фольклора, поскольку в Артуриане прослеживаются отнюдь не только христианские мотивы. Прямо-таки обидно читать филологический комментарий, отмечающий хитроумные толкования: всего-навсего Мэлори ошибся в переводе. Нет такой ветви, «которая была знаком»: в первоисточнике речь шла о «ветке», «ответвлении» сюжета – термин во французской литературе к тому времени вполне устоявшийся.

Французские романисты давно овладели искусством экономного использования заманчивых сюжетов и профессионально работали с циклами: история Шарлеманя, то есть Карла Великого, троянские сказания, деяния Готфрида Бульонского (Годефрея Болонского). Особенно пышные ветви пустила легенда о короле Артуре. Сто пятьдесят рыцарей (причем ежегодно сколько-то погибало и на их место избирались новые), каждый из которых по определению – поскольку сидел за Круглым столом – достоин отдельного рассказа. Сами понимаете, какие возможности тут открывались. Среди этих героев имелись хорошо известные, про которых хотелось знать все подробности – в первую очередь это касалось Ланселота и пришедшего из древних версий мифа сэра Гавейна, – однако появлялись и новые лица, созданные авторами. Рассматривались различные типы рыцарской любви, подвигов, «вежества». Вроде бы простая история о могущественном владыке, чья держава сказочно быстро выросла, объединив прославленных героев того времени, а потом рухнула в одночасье из-за соперничества между этими героями, женской измены и недостойного претендента, вбирала в себя всевозможные приключения. Центральный сюжет переплетался с другими, столь же драгоценными – историей любви Тристана и Изольды, поисками Святого Грааля, пророчествами Мерлина. Артуриана разрослась настолько, что появилась энциклопедия, кое-как сводящая имена и сюжеты воедино, – так называемая «Французская Вульгата». Это и есть «Французская книга», на которую часто ссылается Мэлори. Кому-то «Смерть Артура» покажется чересчур громоздкой; «Вульгата» в пять раз длиннее. Для пользы и удовольствия читателя в этом путеводителе приходилось отмечать разветвления сюжета, связь отдельных эпизодов или больших стихотворных

текстов с целым.

Подобную сноровку выстраивания цикла английские литераторы еще не приобрели. На родине героя литература о нем сводилась к разработке одной любопытной боковой линии – «Сэр Гавейн и зеленый рыцарь» – и к старинной аллитерационной поэме «Смерть Артура». Англичанину Томасу Мэлори, писателю отнюдь не профессиональному, устоявшееся выражение «ветвь Грааля» было незнакомо, и пришлось толковать его по-своему.

Мэлори частенько недопонимает французский текст, и тогда появляются ветки травы и пламенные мечи, особенно заметные на фоне прямого, даже деловитого повествования. При желании в неточностях Мэлори может уличить не только филолог, но просто внимательный читатель. Да ведь Мэлори и не прикидывается специалистом. Если бы мы вдруг решили, будто Мэлори – переводчик или компилятор, взявшийся за определенную плату переложить текст на английский язык для удобства публики, подобные упреки были бы оправданы. Но когда издателю Кэкстону принесли «список в кратком изводе с французского», составитель этого списка уже пятнадцать лет покоился в могиле и на гонорар рассчитывать никак не мог. Колофоны (личные приписки в конце разделов) сообщают, что был он рыцарь – сэр Томас Мэлори – и много лет, вероятно, до самой смерти, просидел в лондонской тюрьме. Там поблизости была библиотека, откуда он мог заказывать книги, и церковь, возле которой его похоронили.

Несмотря на такие подробности, нашлись современники-однофамильцы, и ученые все еще спорят, который из них «тот самый», хотя наиболее вероятный претендент – некий сэр Томас, лет до тридцати вполне благополучный, представлявший свой округ в парламенте, а потом затесавшийся в войну Алой и Белой розы, неудачно или не вовремя переметнувшийся в этой междоусобице на другую сторону и угодивший в застенки по обвинению в насилии, убийстве и угоне скота. Хотелось бы знать о нем как можно больше и точнее, однако и этих сведений довольно, чтобы представить себе человека, с детства знавшего народный – английский – язык и язык своего класса, французский, хотя, скорее всего, особой премудростью себя не утруждавшего. Человека, привыкшего активно участвовать в жизни королевства, но оказавшегося не у дел, в тюремной камере. Его не подвергали пыткам, ему не грозил смертный приговор, порой появлялась надежда на королевское помилование. Достаточно почетное и комфортное заключение. Но, видимо, он нуждался в осмысленном деле и нашел его для себя – причем сознательно выбрал работу неподъемную как по объему, так и по сложности, не соответствовавшей его знаниям, его подготовке. Взял на

себя труд переводчика и переписчика, более подобающий монаху, – быть может, принял его как своего рода епитимью.

Бывает так – редко, но бывает, – что непрофессионализм писателя и даже писателя-переводчика оборачивается повышенной выразительностью его книги. Напряженный поиск смысла в чужом тексте, необходимость соотнести слово и знакомую реальность, отсутствие готовых инструментов и подлинность выговариваемого – все это проступает отчетливее и находит отклик в чуткой душе читателя. Особенно если неподготовленность автора обусловлена его судьбой или судьбой его культуры. А именно так обстоит дело с Мэлори. Во второй половине XV века английская литература только-только начала озираться по сторонам и осознавать себя. Издавший Мэлори Кэкстон был английским первопечатником. «Краткий извод с французского», по которому он «составил набор» (предварительно отредактировав, о чем он скромно умалчивает), – одна из последних в Британии рукописных книг. То есть Мэлори во многом принадлежит средневековой традиции.

Появление типографий меняет предъявляемые к тексту требования. В этом смысле показательны сомнения Кэкстона в связи с попавшим к нему в руки «списком». Личная задача автора, художественная сторона дела мало интересуют издателя. Кэкстон в первую очередь предлагал публике не романы, а познавательные книги о жизни и деяниях знаменитых мужей – например, о подвигах Годафрея Болонского, лица безусловно исторического. Как честный ремесленник, он старался изготовить вещь правильную и полезную, а потому его беспокоила достоверность представляемых публике сведений: об Артуре, как он справедливо указывает, маловато известий в хрониках, и многое в них сомнительно. С другой стороны, спрос на книги об этом короле огромен, и странно, что их так мало в Англии, откуда он родом (как говорится, нет пророка в своем отечестве), зато множество французских и валлийских, а также голландских, итальянских, португальских и даже греческих. Почему-то Кэкстон не упоминает германские книги, хотя Вольфрам фон Эшенбах накрепко связал историю о короле Артуре с поисками святого Грааля, усилив мистическую составляющую и подарив европейской литературе образ рыцаря с лебедем.

Но как раз то, что смущало Кэкстона – недостаточная историчность Артура, – поспособствовало его вхождению в литературу самых разных европейских народов. Ведь, казалось бы, почему такое предпочтение оказано Артуру перед Шарлеманем? Можно предположить даже, что Артуриана отчасти вобрала в себя судьбу франкского короля, который действительно стал императором «через

доблесть своих рук». Мусульманское нашествие, остановленное, ограниченное пределами Пиренейского полуострова. Объединение Европы, коронация в Риме. Имя, сделавшееся нарицательным: Каролус – король. Даже и в том похожи два великих короля, что они, как позднее Барбаросса, принадлежат к числу «спящих владык», тех, кто проснется в урочный час и спасет свою страну. Британия все еще ждет возвращения Артура с Авалона. И при всем сходстве с Карлом, очевидно и отличие – казалось бы, невыгодное для Артура. Шарлемань – реальное историческое лицо. Поэты могут приписать ему подвиги личной отваги, двух-трех побежденных драконов, но в общем-то в особом приукрашивании он не нуждается. Его завоевания, власть, слава вполне весомы. Однако вымышленность, неисторичность Артура обернулась его преимуществом. Карл Великий стал императором Галлии, Германии и славянских земель в реальности, Артур же – в преданиях и литературе, и эта художественная реальность для множества поколений читателей оказалась убедительнее. Поэзии гораздо удобнее иметь дело с героем, не привязанным к определенному веку или политической конкретности. С Круглым столом, вмещающим в себя весь мир, как сказано у Мэлори.

Трудно проследить, с какого момента Круглый стол появился в Камелоте, но то была счастливая находка. Ей Артур в значительной степени обязан своей популярностью. Круглый стол – едва ли не первое, что мы в детстве узнаем об Артуре, и даже если мы забудем о нем почти все, утратим суть, начитавшись современных фэнтези, или разочаруемся в исторической реальности Артура, вникнув в научные изыскания, Круглый стол все равно останется с нами, как останется само имя Артура.

Это имя впервые встречается в валлийских поэмах VI века: в одной воспевается герой, сошедший в загробный мир и добывший кубок Брана – кельтский аналог рога изобилия и чаши бессмертия, которой предстоит еще стать сосудом Грааля. Другая поэма посвящена Последней битве. Чаша и Последняя битва – обязательный, необходимый элемент этих преданий, хотя для самого Артура поиски Грааля не столь насущны – в литературной обработке они передоверяются Ланселоту, Персивалю, Галахаду. У Мэлори король и вовсе остается дома, когда его рыцари, вопреки желанию Артура, отправляются «граалить», как называл это насмешник Марк Твен. Может быть, Последняя битва в итоге оказывается важнее Грааля. Своей смертью Артур входит в главный, основополагающий миф – миф о безнадежном сражении, об отчаянной отваге и гибели, из которой рождается новый мир. Европейская культурная память восходит к разрушению Трои.

Первоначальный Артур, насколько мы знаем, родом из Уэльса и V века, то есть он валлиец, бритт и прославился в междоусобных войнах или в борьбе против пришельцев-саксов. Здесь, в Уэльсе, он становится национальным героем бриттов и в таком же качестве воспевается по ту сторону Ла-Манша, в родственной Бретани, куда перебрались потерпевшие поражение и вытесненные саксами кельты. Из Бретани легенда распространялась по всей Франции, и таким образом появилась французская, а там и европейская литература на эту тему, для которой местный князек не представлял ни малейшего интереса. Всемирно-историческое значение Артур мог получить в качестве римского императора, и французская версия с легкостью превращает его в повелителя половины мира, тем более что имеет перед глазами памятный пример Карла Великого. Тем временем и на родине «национальная принадлежность» Артура меняется: настал черед саксов сопротивляться новому нашествию, и столица Артура переносится в Винчестер, а Последняя битва превращается в обреченное сражение саксонского короля Гаральда с Вильгельмом Завоевателем. Спустя еще несколько веков нормандцы и саксы, сплотившиеся в английский народ, покоряют заморские территории, чтобы утратить их в результате внутренних распрей, войны Алой и Белой розы.

В хрониках имя Артура появляется поздно, отчего и возникает подозрение: должно быть, Артур проник в хроники не из истории, а из легенды. К IX–X веку о нем столько рассказывали в Великой и Малой Британии, что уважающий себя автор просто обязан был включить Артура в свой рассказ и как-то согласовать ход событий. Из ранних историков более всего «английский Артур» обязан Гальфриду Монмутскому. Этот автор XII века предпринял величайшие усилия по примирению завоеванных саксов и завоевателей-нормандцев, он создал идеологию – легенду, которая помогла им сплотиться в народ, создал героя-англичанина. На Артура с равным правом претендовали саксы (в силу территориальной близости) и нормандцы, у которых в войске насчитывалось немало бретанцев, то есть кельтов, родичей Артура. Саксы могли равняться на Артура как на героя сопротивления и даже представлять его врагом нормандцев, однако для нормандцев Артур был врагом саксов. Но создаваемая Гальфридом национальная легенда осталась бы крайне узкой и неплодотворной, если бы он не связал ее с более универсальным родством. Гальфрид произвел исконное население Британии и ее законных королей не более не менее как от троянцев.

Мы уже упоминали троянские сказания в числе основных циклических сюжетов. Есть основания полагать, что наиболее раннее издание Кэкстона, то есть первая в Англии печатная книга, было посвящено подвигам троянца Гектора, которого Кэкстон относит к числу девяти величайших мужей (из всех девяти мужей только двое, Гектор и Артур, – литературные персонажи, соседствующие с Юлием Цезарем, Шарлеманем, царем Давидом и так далее). Происхождение от троянцев включало окраинный народ в европейское родство. Первыми до этого додумались римляне: поискав для себя места в греческой мифологии, они обнаружили, что немногие уцелевшие троянцы отправились на запад, а потому и возвели к ним свой род. Прямыми потомками спасшегося из Трои Энея считали себя Гай Юлий Цезарь и император Август. С тех пор всякий легитимный правитель должен был выстроить себе генеалогию, восходящую к Энею или его ближним. Гальфрид Монмутский предложил в герои-основатели троянца Брута, давшего имя Брутании-Британии. Похожее предание бытовало и на Руси, о чем свидетельствуют, к примеру, письма Иоанна Грозного – он тоже отпрыск троянских царей. Миф о Трое закономерно возникает в самых разных европейских культурах – и в Британии, и в России, – когда требуется объединение и сплочение под сильной самодержавной властью.

Учитывая важность имени, стоит отметить, что в «Смерти Артура» два персонажа зовутся Эктор – воспитатель Артура и брат Ланселота, сэр Эктор Окраинный (!). По всей вероятности, так автор обозначил отношения своего Артура с легендой о Трое: центр вселенной из Рима (и Трои) сдвинут в Британию. Король Артур заявляет о себе как о самом что ни на есть законном претенденте на императорскую власть, поскольку римскими императорами были все его предки, за исключением только отца. Вот так: римский император обретает легитимность благодаря происхождению от британского королька.

У Мэлори Артур уже несомненный англичанин, и наиболее явственно его национальность проступает в короткой повести о походе на Рим, о том, как Артур стал императором. Здесь воины Артура именуются англичанами и предстают как единая армия, а не дружина, собранная из королевских сынов Уэльса, Ирландии и Британии. И об английской доблести заходит речь, и о «Веселой Англии». В повести о том, как Артур «стал императором через доблесть своих рук», Мэлори в большей степени опирался на английскую аллитерационную поэму, отходя от «Французской книги». Внимательный читатель заметит изменения и в образах героев, и в самом стиле повествования. Ведь Мэлори пишет не о сказочном Логресе – о своей Англии.

Политическое содержание – наиболее современный и личный слой в его книге. Сохраняя детали источника, очень мало добавляя от себя, Мэлори создает новый текст именно за счет отношения к нему, за счет своей позиции. Комментаторы замечают, что Мэлори часто подменяет неизвестные ему топонимы реками и замками, которые сам видел, или отождествляет валлийские названия со знакомыми английскими. Очень аккуратно вводит он в число бьющихся на турнире героев своего покровителя – одно лишь имя, которое мы сейчас вряд ли бы отличили от прочих Саграмуров Желанных. Поход за море – это слава Генриха V, чуть было не покорившего Францию, то есть почти что императора (и умер Генрих рано, а за его смертью последовали новые распри). Гибель Артура и Круглого стола – братоубийственная война Алой и Белой розы. Король Артур, со всей очевидностью, не исторический персонаж, который следует изучить и достоверно изобразить, а литературный герой, через которого автор осмысляет себя и свою действительность.

На самом деле Мэлори вовсе не ограничивает себя задачей «краткого извода с французского». Он не только сокращает, выбрасывает все, что для своего повествования считает необязательным, но и обращается к другим источникам помимо «Французской книги», и эти источники отнюдь не компилирует механически. Английская поэма не входит в его роман единой вставной новеллой. Ее он тоже разрывает, отделяя поход на Рим от гибели Артура. В поэме эти события следовали одно за другим: пока Артур воевал за морем, Мордред захватил власть, и поспешно возвратившийся Артур погиб в сражении с претендентом. Кульминация – победа, высшая точка власти – и гибель. Для Мэлори если и существует кульминация, то многолетнее правление Артура, возможность компромисса, умение искать выход в самых безнадежных положениях – и когда лучшие рыцари ссорятся меж собою и втягивают короля в междоусобицы, и когда совершаются преступления, и когда все бросают Круглый стол и отправляются на поиски Грааля, и даже когда королева ему изменяет, потому что «королев я могу найти много, а таких рыцарей не собрать уже никогда». Братство Круглого стола более драгоценно – и более хрупко, – нежели императорская власть или Грааль, и погибнуть оно должно изнутри, а не от внешних причин.

Кэкстона беспокоило, что Артур может оказаться вымыслом, литературным персонажем, а не частью реального мира, но Мэлори свой труд воспринимал как средневековый автор, для которого книга – высшая реальность. Он ссылается не на хроники и уж тем более не на валлийские легенды, а на «Французскую

книгу». Отчасти это проформа, привычный способ придать авторитетность своему повествованию. Но и более того: глубокая убежденность в достоверности Книги – просто потому, что это Книга. Из своего источника Мэлори черпает не только факты, но сугубо индивидуальные детали, трактовку событий: королева, пишет он, не подавала виду, но, как говорится во Французской книге, в душе она переживала сильно. Мы ощущаем подлинность существования этих людей, про которых уже написано. В европейскую культуру Артур входит не через ученые изыскания и не из кельтского фольклора, а из книги Мэлори, «краткого извода» французской Вульгаты, которая и сама – результат прочитанных и перечитанных книг. Поэтому все наши поиски исторического или фольклорного Артура, хотя интересны сами по себе, далеко не всегда имеют отношение к этой книге, да и к нашей культурной памяти. Тем более, что здесь выводы Кэкстона мало чем отличаются от позиции современных ученых: был в Англии какой-то король по имени Артур, с его именем связывают множество подвигов, в особенности же устойчиво сказание о Круглом столе и гибели Артура. Однако где он жил, когда, насколько преуспел – трудно решить.

Не только старинные авторы и добросовестные издатели, но и современные ученые не могут договориться, считать ли Артура аграрным божеством или героем-родоначальником, вождем, сумевшим объединить вокруг себя несколько сот дружинников, военачальником на службе у римлян или римским офицером в Британии (который вполне мог быть туземцем – римляне в V веке в основном полагались на местных союзников). Имя «Артур» расшифровывается как кельтское «медведь», латинизированное Artorius, индоевропейское «землепашец» (от корня ага, как русское «орать землю»). Когда-то рационалисты-греки научно объясняли свой пантеон: дескать, в богов превращались цари и герои. Ученые мужи начала XX века опровергли наивные представления древних: не вождь обожествлен, а божество со временем стали принимать за вождя. Еще более ученые мужи конца XX века не обнаружили в Артуре ни малейшей связи с аграрными и прочими мифами. И слава богу: хочется все-таки почитать книгу про человека, реального или вымышленного, а не про индоевропейский миф, которого уж точно не существовало.

Насколько крепки связи Артура с кельтским фольклором – вопрос очень спорный, как и все, что касается кельтского фольклора. Имя его в древних сагах отсутствует, и в сюжетах мало общего с его судьбой – чаще обнаруживаются параллели к персонажам, окружающим Артура, прототипы Тристрама и Марка, Ланселота, Гавейна, Персиваля. Во всяком случае, кельтскому эпосу мир Артура во многом обязан своей волшебной аурой. Дева Озера и Ланселот Озерный, меч в камне, дикий зверь, разворачивающий свиток будущего Мерлин, сила,

прибывающая у героя с утра до полудня, – все это плоды языческой фантазии, унаследованные и рыцарским романом, и Мэлори. Для авторов первых рыцарских романов, как и для современной фэнтези, кельтский колорит чрезвычайно привлекателен, он легко находит своего читателя. Но Мэлори кое-что смущало. Не потому, что он не верил в чудеса – он вполне в них верил, а еще более верил в свою Французскую книгу. К сожалению, диковинные звери бывают довольно мерзкими тварями, подаренное высшими силами оружие оборачивается против незащитных, а требовать нравственности от аграрного мифа вряд ли уместно. Над этим колоритом Мэлори пришлось немало поработать, усмирить его, отодвинуть языческий мир на второй план, в пролог и эпилог – чудеса сопутствуют рождению и воцарению Артура, но руководивший каждым шагом, спланировавший его зачатие, напрогнозировавший судьбу и многое для осуществления этой судьбы сделавший Мерлин исчезает, как только власть Артура достаточно укреплена. А всевозможные чудесные животные сведены к «зверю рыкающему», которого на периферии романа преследует сарацин Паламед. Труднее было решить этические проблемы.

Современные ученые объясняют нам, что жестокий, беспринципный, сластолюбивый Гавейн, к тому же отличающийся от обычных людей некими сверхъестественными способностями, – наследие язычества. Найдутся этимологические объяснения и прелюбодеянию, совершенному Артуром с родной сестрой, в результате чего на свет появился Мордред, его будущий убийца, и «практическому решению», которое принял Артур, предупрежденный Мерлином о рождении Мордреда: образец христианского властителя с готовностью уподобился Ироду. Мэлори никакие научно-фольклорные объяснения не устраивают. Он принимает Гавейна, Ланселота, Артура как они есть – как литературных героев и как грешных людей, нуждающихся не в объяснении, а в искуплении, – и ведет их к искуплению, которое наступит в конце книги.

То, что книга в целом именуется «Смерть Артура» – тоже случайность, как ветка Грааля. Недосмотр издателя. «Здесь заканчивается смерть Артура», отметил Мэлори, ставя точку в конце последней части (собственно «Смерти Артура») и прощаясь с читателем, а Кэкстон решил, что такими словами Мэлори закончил всю книгу. Как и «ветка Грааля», случайность эта – знаковая, потому что книга действительно о смерти Артура. Мы уже поняли, что Последняя битва всегда будет главным элементом этого сюжета. Снова Троя. И к этой развязке Мэлори неумолимо ведет нас с самого начала.

Между «началом» – романтической повестью о «мече в камне», о признании прав Артура на престол и превращении его в императора и объединителя земель (характерно, что заморские завоевания быстро стираются из памяти и в дальнейшем речь идет о дворе в Камелоте и британских, в лучшем случае – заезжих из Франции рыцарях) – и Последней битвой теоретически можно вставить любое количество эпизодов. Некоторые исследователи предполагали, что речь идет вообще не о цельном произведении, а о восьми романах. Первые два, о воцарении Артура и о том, как он стал императором, и три последние, о Граале, о любви Ланселота и Гвиневры и о Последней битве, достаточно органично связаны между собой и могли бы рассматриваться как две части романа об Артуре – от рождения его и признания прав до величайшей славы и гибели. Насколько необходимы «вставные» романы об отдельных героях – Ланселоте, Тристрате, Гарете? Мог ли Мэлори добавить еще два-три таких романа или что-то убрать? Когда у издателей возникает потребность сократить текст (возникла она и у издателей данного тома), естественно последовать примеру Мэлори и обрубить «ветки», сохранив основную линию. Для Мэлори сокращение – существенный фактор творчества. Повинуясь собственному чувству ритма, он впятеро ужимает основной источник, «Французскую Вульгату», останавливается, как только замечает, что повествование чересчур разрослось и уводит его от основной мысли. Так, нетерпеливо, почти раздраженно обрывает он вторую часть повести о Тристрате, ехидно предупредив читателя: «Третьей же книги нет». Нет – и суда нет. Но в итоге все сюжеты, как развернутые в отдельные книги, так и сжатые до нескольких глав (дела Гавейна – язык не повернется назвать их подвигами) или до простого упоминания, окажутся сцеплены между собой, как судьбы живущих рядом людей.

Хотя Мэлори не владеет французской терминологией, прерываясь, он тоже указывает ниточку, способную, словно клубок, размотаться к другим событиям. И было, говорит он, у Багдемагуса еще множество приключений, после того как он нашел ветвь священной травы, которая была знаком Грааля, а потом он вернулся ко двору Артура, и его посвятили в рыцари Круглого стола, а мы вернемся к Артуру прямо сейчас, поскольку там настал новый день и были новые вести и приключения.

Этот самый Багдемагус, который наткнулся на ветку священной травы, в начале романа был даже не третьестепенным – вовсе незначительным персонажем. Его не приняли в братство Круглого стола, когда там освободилось место, предпочтя ему Тора-свинопаса, вот Багдемагус и уехал на поиски славы, а наткнулся на эту «ветку». Статистом он пройдет по большей части книги, примет участие кое в

каких турнирах, в не существенных для основного действия приключениях, но выступит из тени, когда начнутся поиски Грааля. Заранее посланный знак не обманет: Багдемагус разделит путь с Галахадом и Персивалем, избранниками Грааля, попытается взять на себя сверх возможного – наденет щит, носить который уготовано Галахаду, а любому другому, кто тронет это оружие, суждены тяжелое ранение и смерть. Тяжело раненым и оставляют своего спутника Галахад и Персиваль, а спустя сколько-то времени мимоезжий рыцарь находит гробницу Багдемагуса.

Вот и вся история? Но нет, в романе о Ланселоте и Гвиневре, нарочито помещенном после истории Грааля, Багдемагус возникает вновь – в качестве верного друга и соратника Ланселота. Это может быть оговорка (в конце концов, в любой книге подобных размеров, даже если автор не зависит от противоречивых источников, ляпы бывают), но все-таки похоже, что Багдемагус «возвращается» неслучайно, и вот почему: он – отец Мелеганта, дерзкого юнца, который похитил Гвиневру и тем самым нарушил хрупкое равновесие, начал цепную реакцию, приведшую к осуждению Гвиневры, бунту Ланселота, междоусобной войне. Багдемагус воскресает как бы для того, чтобы оправдаться: если его сын и виноват перед Ланселотом и всем братством Круглого стола, к вине этой не причастен сам Багдемагус. Имеется некая авторская хитрость, которая наводит на мысль, что Мэлори не «забыл» о смерти Багдемагуса в предыдущей части, а предвидел такой поворот. В повести о Граале не сказано напрямую, что этот персонаж погиб. Напротив, после ранения он долго хворал, пока не вылечился. А о смерти его читатель догадывается, поскольку кто-то видел гробницу с его именем. Но ведь и «Смерть Артура» заканчивается рассуждением о том, что Артур, может быть, и не умер, хотя известна его гробница. Багдемагус, в ущерб своему сыну принимающий сторону Ланселота, – смиренный предтеча Артура, ради Круглого стола закрывшего глаза на адюльтер своей жены и Первого рыцаря. Выбор Багдемагуса вполне соответствует его поступку в романе о Граале – поднять роковой щит, на себе опробовать не ему предназначенный подвиг.

Связать начало и конец истории помогает Мерлин, знаменитый кудесник, чье имя навсегда сочетал с именем Артура тот же Гальфрид Монмутский, который подарил Шекспиру сюжет о короле Ллеире и его дочерях. Ллеир в этой хронологии предшествует Артуру («Пророчество Мерлина, который будет жить после меня», – говорит шекспировский шут). В большинстве романов об Артуре Мерлин присутствует постоянно, однако у Мэлори он действует только в самом начале, способствует зачатию Артура, его воспитанию, признанию прав на престол и устройство Круглого стола, а все остальное – Плачевный удар и

поиски Грааля, дурные последствия брака с Гвиневрой, гибель короля от рук Мордреда и многое другое – Мерлин предсказывает, после чего погибает от неразделенной любви. Багдемагус в своих «боковых» странствиях наткнется на плиту, под которой погребен Мерлин, и попытается освободить его, но тщетно.

Мерлин, погибший от любви, ради любви добровольно отказавшийся от своего чудотворства, – не изобретение автора (был уже опробован такой сюжет), но авторский выбор среди нескольких вариантов судьбы знаменитого волшебника. Мэлори предпочитает этот, с самого начала книги заводя разговор об опасности и всевластности любви. В этом свете и огромная «вставка» о Тристане и Изольде обретает смысл. История Ланселота и Гвиневры сопоставляется с другими сюжетами и требует не только сочувствия, но и понимания, оценки, а в чем-то и осуждения, как осуждает себя сам Ланселот.

Три «книги», поместившиеся между началом и концом, – подвиги Ланселота, представляющие нам центрального персонажа любовной линии, Тристрам и Изольда, самый знаменитый любовный роман средневековья, без которого разговор о любви представить себе невозможно, и контрастирующая с ними наивная и невинная повесть о Гарете-Белоручке. Казалось бы, эта повесть уж и вовсе лишняя, здесь нет переклички с пафосом «Ланселота» и «Тристрама». Но как раз этим и важна история Гарета – она заканчивается счастливым браком.

Гарет – едва ли не самый симпатичный из персонажей Мэлори. Он чист и скромен – настолько, что первым испытанием себе назначил прожить год при дворе короля Артура, не раскрывая своего имени, кормясь с прислугой и подвергаясь насмешкам сэра Кэя и прочих острых на язык вояк. Столь же терпеливо сносит Гарет издевки дамы, возмущенной тем, что в спутники ей дали какого-то «кухонного мужика». Отвагой Гарет ближе всего Ланселоту, который стал его «крестным отцом», посвятил Гарета в рыцари. Смирением он напоминает Галахада, но без той неземной святости, которая даже Мэлори настораживала в Галахаде и Персивале, так что он поспешил их уморить. Гарет – идеальный рыцарь, отважный в бою и скромный с дамами, верный друзьям и преданный королю, любящий, но и зоркий в своей любви: от старшего брата, Гавейна, и от остальных братьев, кроме Гахериса, он отдаляется, убедившись в их коварстве и жестокости.

Мэлори отбирает не просто интересные события или симпатичных персонажей. Все его долгое повествование со множеством вставных новелл направленно к

определенной цели, и когда рассказ дойдет до конца, мы поймем, что ради этого конца и было в самом начале уделено внимание рыцарю, вроде бы никакими подвигами не отмеченному. Багдемагус появляется в книге достаточно рано, потому что он появится в ней достаточно поздно. Ветка святого Грааля, принадлежность Багдемагуса к участникам этих поисков, означает для Мэлори, что Багдемагуса нужно ввести в повествование с самого начала. А его участие в поисках Грааля означает, что он должен присутствовать и при развязке, при гибели Круглого стола.

Нам предстоит пережить трагедию и нужно заранее узнать всех ее действующих лиц. На примере Багдемагуса мы могли убедиться, что статистов здесь нет – за Круглым столом все равны. И количество «вставных романов», и отбор их героев определяются единой композицией. Роман о Гарете-Белоручке столь же необходим, как история подвигов молодого, влюбленного, всех побеждающего Ланселота: ближе к развязке Ланселот, спасая королеву от костра, направо и налево рубя стражу и собравшихся полюбоваться казнью зевак, случайно, не признав, убьет Гарета и его брата Гахериса. Эти двое – не «пушечное мясо», не предлог для упорной ненависти Гавейна к Ланселоту и теперь уже неотвратимой войны. Эти двое – давно любимые нами герои. И так мы должны полюбить Круглый стол, войти в его мир. Ведь и Грааль в этой структуре играет подчиненную роль, настолько подчиненную, что святая чаша является на собрание Круглого стола, напоитывая всех рыцарей, – даром, без поисков и подвигов. И когда все сто пятьдесят рыцарей (но не Артур!) устремляются на поиски Грааля, мы готовы разделить досаду короля – распадается дружина. Поиски Грааля стали и утешением, открывшим нам окошечко в горний мир перед тем, как падет мир земной, и предвестием гибели – уже тогда Артур сокрушался, что многие сложат головы и никогда уже братство не будет прежним.

Всего более авторская воля проявилась в таком выстраивании книги, направленном на трагическую развязку. Но эта развязка – не только трагедия: она – искупление. Рыцарь Томас Мэлори прожил свою жизнь грешником. Трудно сказать, с кем из персонажей своей книги он отождествлял себя, – может быть, с Гавейном, если учесть обвинения в изнасиловании, грабеже и попытке убийства из засады. В описании Гавейна Мэлори особенно беспощаден: этот рыцарь, племянник короля, уклоняется от опасных подвигов, предательски убивает отважного Ламорака, потому что не может победить его в честном поединке, он взялся добыть влюбленному рыцарю его даму, а вместо этого сам возлег с ней (наиболее откровенная непристойность у Мэлори), он – причина ссоры Ланселота с королем, он провокатор, добившийся распада Круглого стола и царства на

враждующие партии. Да, вполне вероятно, что «Смерть Артура» написана Гавейном. Но к чему же приходит в итоге сэр Гавейн? Погибает в первой же стычке с войсками Мордреда, не удостоившись даже разделить с Артуром Последнюю битву, и перед смертью шлет свой привет Ланселоту, просьбу о примирении и прощении. Ланселот, подоспевший уже после Битвы, рыдает на его могиле.

Последняя битва примиряет всех. За умирающим королем является лодка, в которой сидят три королевы, и среди них – сестра, всю жизнь преследовавшая Артура своей ненавистью и подстраивавшая его убийство. Теперь она хочет исцелить рану и увозит брата на остров бессмертия – Авалон.

Все события книги приурочены к христианскому календарю, и это само по себе неудивительно, однако стоит отметить, какие именно праздники выбираются ключевыми: не рождество, но Пасха и связанный с нею цикл. Круглый стол основан в праздник Пятидесятницы, и каждый год в этот день рыцари возобновляли свою клятву. В первую Пятидесятницу в Иерусалиме на апостолов сошли огненные языки и началась проповедь миру. Значит, все же в основании Круглого стола – Грааль, как в основании Пятидесятницы – Пасха. Немногие рыцари, не поспевшие к Последней битве, переправились за море и погибли в один день – в Страстную пятницу, – сражаясь за Святую землю. Своим персонажам Мэлори предоставил такую возможность искупления. Сам он томился в тюрьме и мог только взывать:

«Я же прошу вас, всех джентльменов и дам, кто прочтет эту книгу об Артуре и о его рыцарях от начала и до конца, молитесь за меня, пока я еще жив, дабы Господь ниспослал мне освобождение. А когда я умру, то прошу вас, молитесь все за мою душу».

Л. Сумм

Повесть о короле Артуре

Первая часть книги (по рубрикации Винавера) – «Повесть о короле Артуре» (кн. I–IV Кэкстона) восходит к французской прозаической компиляции XIII века, известной в медиевистике как «Продолжение Мерлина» (опубликованы рукописи из Британского музея и из Кембриджа).

Книга первая

I

Первое – как Утер Пендрагон послал за корнуэльским герцогом и женой его Игрейной и о их внезапном отбытии

Случилось так во времена Утера Пендрагона[1 - Утер Пендрагон. – Собственное имя Утер (валлийск. Uthr) существовало у кельтов и засвидетельствовано памятниками (см. ALMA 14, 83), хотя и означает само по себе «ужасный». Пендрагон («реп», валлийск. «голова») – по-видимому, титул, в значении «главный дракон», принадлежавший ряду кельтских королей, распространявших свое владычество на несколько племен.], когда он был королем и властвовал над всей Английской землей, что жил тогда в Корнуэлле могучий герцог, который вел с ним долгую войну, а звался тот герцог герцогом Тинтагильским. Раз послал король Утер за этим герцогом и повелел ему явиться и привезти с собой жену, ибо о ней говорили, что она прекрасна собой и замечательно мудра, звали же ее Игрейна.

И когда герцог со своей женой предстали перед королем, то стараниями баронов примирились они друг с другом. Королю очень приглянулась и полюбилась та женщина, и он приветствовал их и принял у себя с чрезвычайным радушием и пожелал возлечь с нею, но она была женщина весьма добродетельная и не уступила королю. И тогда сказала она герцогу[2 - ...сказала она герцогу... – В ориг.: «she tolde the duke and seyde». Реплики диалога у Мэлори в подавляющем большинстве случаев предваряются или заключаются этим

словом, так что встречаются выражения типа: «...askede and seyde» «he cryiede with a lowde voyce and seyde»; «...spake on hygh unto kynge and seyde; – Fye uppon the, traitor! – they seyde». Такое употребление убедительно доказывает формальную роль этого глагола в тексте, хотя настойчивое повторение безусловно придает диалогу напевную монотонность.], своему мужу:

– Видно, нас пригласили сюда, чтобы меня обесчестить. А потому, супруг мой, прошу вас, давайте сей же час уедем отсюда, тогда мы за ночь успеем доскакать до нашего замка.

Как она сказала, так они и сделали, и отбыли тайно, и ни сам король, и никто из его приближенных не подозревал об их отъезде. Но как только король Утер узнал об их столь внезапном отъезде, разгневался он ужасно; он призвал к себе своих тайных советников и поведал им о внезапном отъезде герцога с женою. И они посоветовали королю послать за герцогом и его женою и велеть ему вернуться ради неотложного дела.

– Если же не возвратится он по вашему зову, тогда вы вольны поступать, как вам вздумается, у вас будет повод пойти на него сокрушительной войной.

Так и было сделано, и посланцы воротились с ответом, а ответ его был, вкратке, тот, что ни сам он, ни жена его к нему не приедут. Сильно разгневался король и послал снова к герцогу и прямо объявил ему, чтобы он снаряжался и готовился к осаде, ибо не пройдет и сорока дней, как он, король, доберется до него, затворись он хоть в крепчайшем из своих замков.

Услышав такие угрозы, поехал герцог и подготовил и укрепил два своих самых больших замка, из коих один именовался Тинтагиль, а второй Террабиль[3 - Террабиль. – Это название, в отличие от Тинтагиль, представляется прозрачным по смыслу (Terrible – грозный). Однако Тинтагиль, по крайней мере один, существовал реально, – ср. совр. Тинтаджел – город на берегу Бристольского залива. Террабиль, реально не существующий, связан с ним по созвучию (такие созвучия не случайны для прозы Мэлори) и потому оставлен непереуслышанным.]. Потом жену свою Игрейну поместил он в замке Тинтагильском, сам же засел в замке Террабильском, из которого вело много боковых и потайных выходов наружу. И вот в великой поспешности подошел Утер с большим войском и обложил замок Террабиль и разбил вокруг множество шатров. Было там большое сражение, и много народу полегло и с той и с этой стороны.

Но вскоре от ярости и от великой любви к прекрасной Игрейне занемог король. И пришел к королю Утеру сэр Ульфиус, благородный рыцарь, и спрашивал его, откуда его болезнь.

– Я скажу тебе, – отвечал король. – Я болен от ярости и от любви к прекрасной Игрейне, от которой нет мне исцеления.

– Тогда, господин мой, – сказал сэр Ульфиус, – я дойду и сыщу Мерлина[4 - Мерлин – образ знаменитого в средневековой литературе чародея, одно из красочных порождений кельтского фантастического фольклора (валлийск. Myrddin). Как колдун и прорицатель, был известен в средние века едва ли не всем народам Европы. После Гальфрида Монмутского, создавшего около 1135 г. свои «Prophetiae Merlini», фантастические «Пророчества Мерлина» распространялись всюду от Сицилии до Исландии вплоть до XVII в. У Мэлори образ Мерлина получил своеобразную трактовку: утрачены или рационалистически переосмыслены многие волшебные подробности и обстоятельства (например, его чудесное рождение, детство). Здесь Мерлин скорее умудренный опытом советник короля, не провидящий, а предвидящий будущее.], дабы он исцелил вас и принес утешение вашему сердцу.

Отправился Ульфиус на поиски и по воле счастливого случая повстречал Мерлина в нищенских отрепьях, и спросил его Мерлин, кого он ищет, а тот ответил, что нужды нет ему знать.

– Ну что ж, – сказал Мерлин. – Я-то знаю, кого ты ищешь, – ты ищешь Мерлина; и потому не ищи более, ибо это я. И если король Утер хорошо наградит меня и поклянется исполнить мое желание, отчего больше пользы и славы будет ему, нежели мне, тогда я сделаю так, что и его желание целиком сбудется.

– За это я могу поручиться, – сказал Ульфиус, – чего бы ты ни пожелал, в разумных пределах, твое желание будет удовлетворено.

– Тогда, – сказал Мерлин, – он получит то, к чему стремится и чего желает, а потому, – сказал Мерлин, – скажи своей дорогой, ибо я прибуду скоро вслед за тобой.

Как Утер Пендрагон пошел войной на корнуэльского герцога и как содействием Мерлина он возлег с герцогиней и зачал Артура

Возрадовался Ульфиус и во весь опор поскакал назад и, представ перед королем Утером Пендрагоном, поведал ему о встрече с Мерлином.

– Где же он? – спросил король.

– Сэр, – отвечал Ульфиус, – он не замедлит явиться.

Глядит Ульфиус, а уж Мерлин стоит у входа в шатер.

Пригласили Мерлина приблизиться к королю. И сказал ему король Утер: «Добро пожаловать».

– Сэр, – сказал Мерлин, – мне ведомы все тайники вашего сердца. И потому, если вы поклянетесь мне, что, как есть вы истинный король, помазанник божий, вы исполните мое желание, тогда и ваше желание сбудется.

Поклялся король на четырех Евангелиях.

– Сэр, – сказал Мерлин, – вот мое желание: в первую ночь, которую проведете вы с Игрейной, будет вами зачато дитя, и когда родится оно, отдайте его мне, дабы я мог вскормить его по своему усмотрению, ибо вам это будет во славу, а младенцу на пользу, если только окажется он ее достоин.

– Я согласен, – молвил король, – пусть будет по твоему желанию.

– Тогда готовьтесь, – сказал Мерлин. – Сегодня же ночью возляжете вы с Игрейной в замке Тинтагиль. Видом будете вы как герцог, ее супруг, Ульфиус примет облик сэра Брастиаса, одного из рыцарей герцога, я же обернусь рыцарем по имени Иордан, тоже одним из герцогских рыцарей. Но смотрите, задавайте поменьше вопросов ей и ее людям, скажите лишь, что вы больны, и поспешите лечь в постель, да не вставайте поутру, покуда я не приду за вами,

ведь Тинтагильский замок отсюда не далее, как в десяти милях.

Как они задумали, так все и было сделано. Но герцог Тинтагильский заметил, как отъезжали они из-под стен замка Террабиль. И тогда под покровом ночи выбрался он через боковой ход из замка, дабы внести смуту в королевское войско, и в этой вылазке сам герцог был убит, прежде даже, нежели король успел доехать до замка Тинтагиль. Так, уже после кончины герцога, возлежал король Утер с Игрейной, три с лишним часа спустя после его кончины, и зачал король в ту ночь Артура[5 - Артур – один из самых популярных образов не только средневековой европейской, но и мировой литературы. Исторически – национальный герой бриттов, возглавившие в конце V – нач. VI в. (упоминается в «Истории бриттов» Ненния – IX, в хронике «Анналы Уэльса» X в. и, косвенно, еще раньше в хронике св. Гильдаса «О гибели Британии» VI в.) борьбу против англосаксонского вторжения и одержавший, по-видимому, триумфальную победу в битве при горе Бадоне, почти на полвека задержавшую проникновение германцев на Британские острова. Имя Arthur большинство исследователей производят от заимствованного римского родового имени Artorius, которое мог носить и кельтский племенной вождь. Однако на уровне кельтской мифологии, в которую был включен этот образ, существует несколько многозначительных этимологий, например, Arthur < Ardu < ar («очень») + du («черный») – обозначение вороны. Действительно, существует поверье, что Артур не умер, а превратился в ворона (ср. воронов – хранителей Британии, живущих в Лондонском Тауэре); ворон по-валлийски brân, так же звучит имя кельтского верховного божества, которое в зооморфной стадии было вороном, как Зевс – орлом, а Афина – совой (закон Рейнака); таким образом, Артур и функционально и этимологически отождествлялся с богом Браном.]; а утром, еще до света, вошел к королю Мерлин и возвестил, что настал срок, и король поцеловал прекрасную Игрейну и с великой поспешностью удалился. Когда же услышала леди Игрейна весть о кончине герцога, ее супруга, – что был он, по всем рассказам, убит еще прежде, чем возлег с нею король Утер, подивилась она тому, кто бы это мог быть, взошедший к ней в облики ее господина? И она горевала втайне, но хранила молчание.

А между тем собрались все бароны и стали молить короля, чтобы был положен конец распри между ним и леди Игрейной. Король дал им на то свое соизволение, ибо он рад был бы с нею примириться; возложил он все свое доверие на Ульфиуса, дабы был тот между ними посредником. И вот, наконец, стараниями посредника помирился с нею король.

– Ну, теперь-то все уладится, – сказал Ульфиус. – Наш король – молодой и полный сил рыцарь, а супруги не имеет, леди же Игрейна прекрасна собой; нам всем была бы превеликая радость, если бы король соблаговолил взять ее себе в королевы.

Все сразу на то согласились и с тем вошли к королю. А он, будучи и впрямь молодым и полным сил рыцарем, в сей же миг с веселым сердцем явил на то свое изволение, и в то же утро с великой поспешностью сыграли они свадьбу, и не было конца радости и веселью. Тогда же и Лот, король Лоутеана[6 - Лоутеан – по-видимому, современное Лотиан, – название Южной Шотландии вплоть до залива Ферт-оф-Форт. Следует отметить, что в старинных англонорманнских и французских документах есть случаи транслитерации Lothian как Loenois, Loonois и пр., что существенно для атрибуции родины Тристрама, который носил прозвание Тристрам из Лиона, или из Лоэнуа, и т. п.] и Оркнея, повенчался с Моргаузой, что стала матерью Гавейна, а король Нантрес, из земли Гарлот, обвенчался с Элейной – и все это было сделано по желанию короля Утера. А третья сестра – Фея Моргана[7 - Моргауза, Элейна и Фея Моргана – единоутробные сестры Артура, дочери королевы Игрейны. Из этих трех персонажей одна лишь Моргана имеет многовековую традицию. Предтечей этого образа считают ирландскую богиню войны и смерти Morrigan, принимающую облик вороны, и в следующей стадии – бретонскую фею рек Морган. Имя Morgawse, по-видимому, – не более как иное прочтение Morgans, ибо в параллельных местах французских текстов вторая сестра анонимна (V 1283). Ниже она и у Мэлори фигурирует просто как королева Оркнейская. Что же до третьей, Элейны, то она и как персонаж – создание Мэлори, который, быть может, прибавил ее «для круглого счета», будучи не чужд некоторым фольклорным приемам повествования, и дал ей одно из самых распространенных женских имен – Елена. (В книге Мэлори по меньшей мере пять персонажей носят это имя.)] – была отдана на воспитание в обитель, и там обучилась она столь многому, что ей стали ведомы все тайны черной магии. Потом она обвенчалась с королем земли Гоор Уриенсом, отцом сэра Ивейна Белорукого.

III

О рождении короля Артура и о его воспитании, и о смерти короля Утера Пендрагона, и как Артур был избран королем, и о дивном, чудесном мече, извлеченном из камня помянутым Артуром

А между тем королева Игрейна день ото дня все тяжелела и тяжелела. И случилось через полгода, что король Утер, лежа подле своей королевы, стал вопрошать ее во имя правдивости, каковой обязана она своему супругу, чье дитя носит она в своем теле. Королева же в горьком замешательстве не ведала, как отвечать ей.

– Не бойтесь ничего, – сказал король, – и поведайте мне истину. Жизнью клянусь, я еще больше буду любить вас за это!

– Сэр, – отвечала она. – Я скажу вам всю правду. В ту ночь, когда был убит мой супруг, в самый час его кончины, как о том поведали нам его рыцари, пришел ко мне в замок Тинтагиль муж, лицом и речью подобный моему супругу, и с ним двое в облиии двух герцогских рыцарей – Брастиаса и Иордана; и я легла с ним, как подобало супруге, и вот, как буду я держать ответ перед богом, в ту самую ночь и было зачато это дитя.

– Правду вы говорите, – молвил король. – Ведь это я сам взошел к вам в его облиии. И потому не бойтесь, ибо отец этого ребенка – я.

И он поведал ей, как все это было сделано по наущению Мерлина. Сильно возрадовалась королева, когда узнала, кто отец ее ребенка. В скором времени пришел к королю Мерлин и говорит:

– Сэр, вам надлежит позаботиться о том, как будет вскормлено ваше дитя.

– Как тебе угодно, – отвечал король, – так пусть и будет.

– Хорошо, – сказал Мерлин. – Я знаю одного барона в вашей земле, он человек очень честный и преданный, и ему будет поручено воспитать ваше дитя. Имя его – сэр Эктор, ему принадлежат прекрасные владения по всей Англии и Уэльсу. Пусть же пошлют за этим бароном, дабы он предстал перед вами для беседы, и вы сами выскажите ему свою волю, – пусть он, во имя любви его к вам, отдаст свое дитя вскармливать чужой женщине, ваше же дитя пусть вскормит его жена. Когда родится это дитя, повелите отдать его мне тайно через задний замковый выход некрещеным.

Как Мерлин сказал, так все и было сделано. Когда прибыл в замок сэр Эктор, он обещал королю вскормить дитя, как того желал король, и король пожаловал его многими дарами. Когда же разрешилась королева от бремени, король повелел двум рыцарям и двум дамам взять дитя и запеленать его в золотое полотнище. «И отдайте его первому нищему, что встретится вам у задних ворот замка». Так передано было дитя Мерлину, а тот отнес его к сэру Эктору, окрестив у святого отца и нарекши его Артуром. И жена сэра Эктора вскормила его своей грудью.

По прошествии же двух лет слег король Утер в жестокой болезни. Тогда недруги его вторглись в его владения, затеяли великую войну с его войском и многих из его людей перебили.

– Сэр, – сказал ему Мерлин, – не должно вам лежать тут, как вы лежите, место ваше – на поле брани, пусть даже отвезут вас туда в повозке. Ибо никогда вам не одолеть врага, если сами вы при этом не будете, а появитесь там, то будет победа за вами.

Как Мерлин сказал, так и было сделано. Повезли короля недужным навстречу врагу в повозке[8 - Повезли короля навстречу врагу в повозке... и под Сент-Альбаном сошлись его воины с великим воинством Севера. – В этом описании, не имеющем параллелей во французском тексте (V 1284–1285), соблазнительно усмотреть аналогию некоторым событиям войны Алой и Белой Розы, современником и, возможно, участником которых был Томас Мэлори, приспешник влиятельного дома Варвиков. Северная Англия и Шотландия за это время неоднократно оказывались вражеской территорией для правящих королей (у Мэлори «The North fro Trent forwards», «the grete hoost of the North». А под Сент-Олбаном (Saint Albons) произошли две крупные битвы, и в первой из них, происшедшей 22 мая 1455 г., больного короля Генриха VI действительно везли в повозке.], а с ним пошло великое войско, и под Сент-Альбансом сошлись его воины с великим воинством Севера. В тот день сэр Ульфиус и сэр Брастиас свершили великие подвиги, и одолели воины короля Утера северное воинство, многих перебили, остальных же обратили в бегство. И тогда воротился король Утер в Лондон и предался великой радости. Но спустя немного времени занемог он еще пуще прежнего и три дня и три ночи пролежал, не вымолвив ни единого слова. Тогда сильно опечалились все бароны и просили Мерлина, чтобы дал он наилучший совет.

– Тут нет иного исцеления, – отвечал Мерлин, – как только положиться на волю божию. Но смотрите, соберитесь все бароны пред королем Утером завтра поутру,

и по изволению божиему и моему желанию он заговорит.

И вот наутро все бароны вместе с Мерлином явились к королю. И громко спросил Мерлин короля Утера:

– Сэр, быть ли вашему сыну Артуру после вас королем над этой страной со всеми ее владениями?

Тут повернулся Утер Пендрагон и молвил во всеуслышание:

– Даю ему божье благословение и мое, пусть молится за упокой моей души и пусть по чести и по праву требует себе мою корону, иначе же нет ему моего благословения.

И с теми словами испустил он дух. Похоронили его, как подобало королю, а королева, прекрасная Игрейна, сильно убивалась, и с нею все бароны. После этого долгое время пребывало то королевство в великой опасности, ибо каждый властитель, у кого было довольно войска, собирался с силами, и немало кто чаял стать королем. Тогда Мерлин отправился к епископу Кентерберийскому и научил его послать за всеми баронами королевства и за всеми рыцарями, дабы под страхом проклятья собрались они к Рождеству в Лондоне, затем, что Иисус, в ту ночь рожденный, по великой милости своей, быть может, явит им чудо, ибо как сам он был царем над людьми, так чудо его укажет, кому по праву царствовать над этой страной. И по наущению Мерлина послал архиепископ Кентерберийский за всеми баронами и рыцарями и велел, чтобы в канун Рождества явились они все в Лондон; и многие из них получили перед тем отпущение грехов, дабы молитвы их были угоднее господу.

И вот, в величайшей из церквей Лондона – был ли то собор Святого Павла[9 - Собор святого Павла. – Мэлори, естественно, мог иметь в виду отнюдь не нынешний собор святого Павла, возведенный архитектором Реном в 1675 г., а собор XI–XIII вв., сгоревший во время пожара 1666 г., на месте которого он был построен (ср. Wr I, 11).], во Французской Книге[10 - Французская Книга. – Кэкстон писал, что свой рассказ сэр Томас Мэлори, «подчерпнув из неких французских книг, на английском языке в кратком изводе составил». Действительно, тщательное текстологическое сличение, проделанное Винавером, а позднее Лумянским с сотрудниками, показало, что каждая из восьми книг (кроме «Гарета»), составляющих Винчестерский манускрипт, имеет один или несколько

«источников», большей частью французских, но также и английских, которые Мэлори использовал, заимствуя фабулу, некоторые описания, фразы и даже отдельные слова, производя при этом существенное «ужатие» и внося разного рода изменения. Такой вид авторства был в обычае в средневековой литературе – еще Лайамон на исходе XII в. в зачине своего исторического труда «Брут» перечисляет использованные источники и указывает на характер своей над ними работы («перевод» и «сокращение»). Но рыцарь Мэлори, в отличие от клирика Лайамона, в обычной жизни не имел постоянно дела с книгами. Французские рыцарские романы и английские поэмы он читал, вероятно, в Ньюгетской тюрьме в Лондоне. Напротив Ньюгетской тюрьмы стояла францисканская церковь, подле которой Мэлори был впоследствии похоронен, а рядом с нею, в специальном здании, заложенном в 1421 г., находилась библиотека (ее основателем был прославленный мэр Лондона Ричард Виттингтон, герой английских сказок). Сам Мэлори многократно ссылается по ходу повествования на «Французскую Книгу» в подтверждение истинности своих слов. Однако детальное сопоставление с параллельными французскими текстами, проделанное проф. Винавером для трехтомного издания 1947 г., наглядно показывает, что ссылки на «Французскую Книгу» можно найти у Мэлори и в тех разделах, источником для которых ему служили английские тексты (например, аллитеративная поэма «Morte Arthur», или там, где он выступает как оригинальный писатель в современном смысле слова (см., например, конец эпизода «Гавейн, Ивейн и Мархальт»). «Французская Книга» для Мэлори – часто символический научный авторитет, нередко фиктивный (в иных случаях это просто «Книга», the book). Ссылка на авторитетные источники – истинные или вымышленные – прием, широко распространенный. Еще Гальфрид Монмутский в описании Артура называет своим источником вымышленную, как считается, «книгу стариннейшую на языке британцев» (*Britanici sermonis liber vetustissimus*), в чем Чэмберс усматривает «шутку, или литературную условность, или же прямой обман» (см. Chambers E. K. *Sir Thomas Malory*. Oxford, 1922). С этой точки зрения вопрос о том, переводчик Томас Мэлори или автор, теряет смысл, ибо его книга – «*historie*», как называет ее Кэкстон, по законам жанра должна иметь солидные источники и не содержать вымысла, т. е. правдиво передавать рассказы прежних времен. Иное авторство для Мэлори было бы немыслимо.] не говорится, – задолго до наступления дня все сословия королевства собрались на молитву. И когда отошла заутреня и ранняя обедня, вдруг узрели люди во дворе храма против главного алтаря большой камень о четырех углах, подобный мраморному надгробью, посередине на нем – будто стальная наковальня в фут вышиной, а под ней – чудный меч обнаженный и вокруг него золотые письмена: Кто вытащит сей меч из-под наковальни, тот и есть по праву рождения король над всей землей английской. Подивились люди и

поведали о том архиепископу.

– Повелеваю вам, – сказал архиепископ, – оставаться всем во храме и молиться богу; пусть ни один не коснется меча, покуда не будет завершена торжественная обедня.

Когда же окончилась служба, все лорды вышли подивиться на камень и на меч. И когда узрели они письма, попытались иные, кто хотел стать королем, но ни один не сдвинул, не шелохнул меча.

– Нет среди вас того, – молвил архиепископ, – кто добудет этот меч, но отриньте сомнения, бог укажет его. Однако вот мой совет, – молвил архиепископ, – поставим здесь десять рыцарей, мужей доброй славы, и поручим им охранять сей меч.

Так и было сделано, и возвестили повсюду, чтобы всякий, кто пожелает, приходил и пытался выдернуть меч из-под наковальни. В день же Нового года устроили бароны турнир с поединками[11 - ...турнир с поединками... – В ориг.: a justes and a tournament, где первое понятие означает поединки всадников, вооруженных копьями, а второе – общее сражение участников, разделенных на две партии.], дабы все рыцари, кто желал сразиться и явить свое искусство, могли на нем выступить. А задумано все это было затем, чтобы съехались все лорды и собрался простой люд, ибо архиепископ уповал на то, что бог откроет, кому владеть мечом. И вот в день Нового года, когда отслужили службу, бароны выехали на поле, иные – сразиться в поединке, иные – погарцевать и явить свое искусство. Случилось так, что приехал на турнир и сэр Эктор, у которого были в окрестностях Лондона обширные владения, а с ним его сын сэр Кэй и юный Артур, приходившийся тому молочным братом. Перед тем незадолго, в День Всех Святых[12 - День Всех Святых (Allhallowmas) – праздник, установленный в Европе с VIII в. в честь всех святых и мучеников, известных и неизвестных. Отмечается 1 ноября. В канун этого дня исстари происходили народно-карнавальные действия.], сэр Кэй посвящен был в рыцари. Но когда направлялись они на турнирное поле, хватился сэр Кэй своего меча – он оставил его в отчем доме, – и просил он юного Артура съездить за его мечом.

– Хорошо, я поеду с превеликой охотою, – молвил Артур и во весь опор поскакал за мечом.

Когда же прискакал он домой, оказалось, что госпожа со всей челядью отправилась смотреть турнир. Разгневался тогда Артур и сказал себе: «Поскачу на церковный двор и возьму меч, что застрял между камнем и наковальней, не допущу, чтобы брат мой сэра Кэй был без меча в такой день». Вот, прискакав на церковный двор, спешился Артур и привязал коня к ограде, потом пошел к сторожевому шатру, но рыцарей там не было, ибо все отправились на турнир. Тогда, ухватив меч за рукоять, одним быстрым могучим рывком выдернул он его из камня, сел на коня и поскакал своей дорогой, и, подъехав к брату своему, сэру Кэю, отдал ему меч. Сэр Кэй только взглянул, тотчас узнал тот самый меч, что торчал в камне, и поскакал он к отцу своему сэру Эктору и сказал ему:

– Смотрите, сэра, вот меч, что торчал в том камне, и потому быть мне королем над этой страной.

Когда узрел сэра Эктор тот меч, повернулся он и поскакал к церкви, там спешили все трое, вошли в храм, и он повелел сэру Кэю поклясться на книге[13 - ...поклясться на книге... – В ориг.: to swere uppon a booke – т. е. на Библии. Такое словоупотребление – с неопределенным артиклем – характерное для ранней эпохи развития английского языка (вплоть до Шекспира), а в речениях сохранившееся до настоящего времени, отражает восприятие «книги», вообще писаного текста, как предмета мистического. Ср. ниже в Повести о Святом Граале, где с помощью «книги» (a booke) производится заклятье нечистой силы. Ср. также «Библия» – греч. ?????? букв. «книги».] и ответить, как добыл он тот меч.

– Сэр, – отвечал сэра Кэй, – это брат мой Артур принес его мне.

– А как вы добыли сей меч? – спросил сэра Эктор Артура.

– Сэр, я поведаю вам. Когда я вернулся домой за мечом моего брата, я не застал там никого, и некому было дать мне меч. И подумал я, что не быть же брату моему сэру Кэю без меча, и, поспешив сюда, выдернул сей меч из камня безо всякого труда.

– А не нашли вы тут рыцарей при мече? – спросил сэра Эктор.

– Нет, – отвечал Артур.

– Ну, – сказал тогда сэр Эктор Артуру, – вижу я, что быть вам королем над этой землей.

– Почему же именно мне? – удивился Артур. – Какая на то причина?

– Причина та, что так хочет бог, – сказал сэр Эктор. – Ибо только тому человеку дано было вытащить сей меч, кто будет законным королем над этой страной. А теперь посмотрим, сможете ли вы засунуть его обратно туда, где он был, и вытащить еще раз.

– Дело немудреное, – молвил Артур и снова засунул меч под наковальню.

Попробовал вытянуть его сэр Эктор, но тщетно.

IV

Как король Артур несколько раз вытащил меч

– Попробуйте и вы, – сказал он сэру Кэю. Потянул тот изо всей силы, но и ему не дано было преуспеть.

– Ну, а теперь тащите вы, – сказал сэр Эктор Артуру.

– Охотно, – отвечал Артур и вытащил меч с легкостью.

Тут опустился сэр Эктор на колени, а с ним и сэр Кэй.

– Увы мне! – вскричал Артур. – Возлюбленный мой отец и милый брат, почему стоите вы на коленях предо мною?

– Нет, нет, господин мой Артур. Я никогда не был вам отцом ни кровным родичем, но вижу, что вы еще выше родом, нежели я о вас думал.

И поведал ему сэр Эктор обо всем – как взял он его на воспитание и по чьей воле и как принял он его на руки от Мерлина. Сильно опечалился Артур, когда узнал, что сэр Эктор ему не отец.

– Сэр, – молвил сэр Эктор Артуру, – соизволите ли вы быть мне добрым и милостивым господином, когда станете королем?

– А иначе позор был бы мне, – отвечивал Артур, – ибо вы – человек, которому я больше всего на свете обязан, вам и моей прекрасной госпоже и матери, вашей жене, что вскормила и вырастила меня, как родного сына. И если будет на то божия воля, чтобы стать мне королем, как вы говорите, тогда скажите лишь, чего пожелаете вы от меня, и все вам будет. Не допустит бог, чтобы не исполнил я вашего желания.

– Сэр, – сказал сэр Эктор, – лишь об одном прошу у вас: сделайте сына моего, вашего молочного брата сэра Кэя, сенешалем всех ваших владений.

– Быть по сему, – отвечал Артур. – И более того, жизнью своей клянусь, что иному никому не достанется эта должность, покуда мы оба живы.

Тут отправились они к архиепископу и поведали ему, как извлечен был меч и кем. А в день Крещения Господня[14 - Крещение Господне, иначе Богоявление – великий двенадесятый праздник 6 января в память о крещении Иисуса от Иоанна в Иордане («Еванг. от Матф.» 3, 3 – 14; «Еванг. от Марка» 1, 9 – 11; «Еванг. от Луки» 3, 21–22). По другим версиям христианского предания, в этот день поминается поклонение волхвов младенцу Иисусу.] собрались туда все бароны, дабы еще раз попытаться, кто пожелает, вытащить меч, и перед лицом их всех одному лишь Артуру удалось его вытащить. Многие лорды тут разгневались и говорили, что позор превеликий им и всему королевству, если будет ими править худородный юнец. И такая тут разгорелась распря, что решено было отложить дело до Сретения Господня[15 - Сретенье Господне (Candilmas, буквально «Праздник светильников») – праздник принесения младенца Иисуса в Иерусалимский храм и очищения Богородицы на сороковой день после Рождества, т. е. 2 февраля. В католической церкви контаминирован подобно православной масленице, с каким-то языческим праздником (возможно, с римскими «луперкалиями») и с древних времен носит латинское название Candelaria.], а тогда всем баронам съехаться снова, до той же поры отрядили десять рыцарей денно и ночью сторожить меч, разбили шатер над камнем и мечом и по пятеро стояли стражей. На Сретение Господне съехалось туда

великое множество баронов, и каждый пытался вытащить меч, но ни один не преуспел. Артур же и на Сретение, как и на Рождество, извлек тот меч с легкостью, отчего бароны еще пуще разгневались и отложили все дело до великого праздника Пасхи. Но, как преуспел Артур доселе, так было и на Пасху. Однако иные среди могучих лордов негодовали, что королем быть Артуру, и снова отложили решение до праздника Пятидесятницы[16 - Пятидесятница – то же, что день Святой Троицы, празднуется на пятидесятый день после Пасхи (7 воскресенье). После норманнского завоевания стал называться обычно Whitsunday – «белое воскресенье» или Trynyte Sunday – «Троицыно воскресенье» (см. ниже кн. XXI), так что Pentecoste у Мэлори – из французского источника.]. Тогда архиепископ Кентерберийский, по наущению Мерлина, повелел собрать лучших рыцарей, каких только можно было, и тех рыцарей, кого больше всех любил Утер Пендрагон и кому он больше всех в свои дни доверял. И приставлены были к Артуру такие рыцари, как сэр Бодуин Бретонский, сэр Кэй, сэр Ульфиус, сэр Брастиас, – и все они, а с ними и многие иные денно и ночно пребывали при Артуре до самого праздника Пятидесятницы.

V

Как король Артур был коронован и распределил должности

На праздник Пятидесятницы многие мужи разных сословий изъявили охоту вытащить тот меч, но ни один не сумел, кроме Артура, он же снова извлек его на глазах у лордов и народа. И тогда весь народ закричал единогласно:

– Желаем Артура себе в короли! Не допустим, чтобы и дальше медлили с решением, ибо все видят: на то божия воля, чтобы быть ему нашим королем. А кто против, убьем того.

Тут пали все на колени, и богатые и неимущие, и возопили: «Смилуйся, Артур, прости, что не признавали тебя так долго!» Артур простил их и, взявши меч обеими руками, склонил его пред алтарем, где стоял архиепископ. Так был он возведен в рыцари достойнейшим из бывших там мужей. Вслед за тем была устроена коронация, и там поклялся он своим лордам и общинам[17 - ...лордам и общинам... (в ориг.: into his lordes and comyns) – Термин comyns в настоящем переводе передается по смыслу, как «народ», «простой люд». Однако в

соответствии с контекстом было сочтено возможным в отдельных случаях воспроизвести эту политическую формулу так, как она дошла до наших дней, – ср. House of Lordes – House of Commons (палата лордов, палата общин), тем более что французские параллельные места этого слова не содержат; ср., с другой стороны: «съехались все лорды, и собрался простой люд» (стр. 37) – или «поднялся простой люд Карлиона» (стр.44) и т. д.] быть им настоящим королем и стоять за истинную справедливость отныне и до конца дней своих. Тогда же повелел он, чтобы все лорды, державшие владения от короны, приблизились к нему и оказали ему почести, какие подобало. Потом выслушал сэр Артур многие жалобы на великие обиды, учиненные по смерти короля Утера всем тем лордам, рыцарям, дамам и джентльменам, что лишились своих земель. И повелел король Артур, чтобы отданы были все земли и владения обратно тем, кому они принадлежали.

Когда же распорядился король и установил порядок во всех землях, прилежащих к Лондону, то назначил он сэра Кэя сенешалем[18 - Сенешаль – французское слово, по-видимому, германского происхождения (готск. «старый слуга» OED s. v.), управитель двора средневекового феодала, почетный титул и почтенная должность.] Англии, сэра Бодуина Бретонского коннетаблем[19 - Коннетабль – В ориг.: conestable, из позднелат. comes stabuli, «верховный управитель конюшен», нечто вроде русского «конюшего». Слово привезено норманнами в Англию уже в значении «главный управитель двора, государства и армии». В переводе принята французская форма, более привычная для читающих по-русски.], сэра Ульфиуса сделал он правителем своего двора, а сэра Брастиаса отрядил во главе войска охранять границы королевства к северу от Трента, ибо в той стороне обитали тогда главные враги короля. Но по прошествии немногих лет овладел король Артур всем Севером, Шотландией и всеми, кто был у нее в подчинении, а также и Уэльсом, где иные тоже стояли за его недругов, но он одолел их всех, равно как и остальных, через благородную доблесть свою и своих рыцарей Круглого Стола.

VI

Как король Артур устроил на Пятидесятницу в Уэльсе великое празднество и какие короли и лорды прибыли на то празднество

После этого перебрался король в Уэльс и распорядился возвестить о великом празднестве, что устроит он на Пятидесятницу после того, как будет он коронован в городе Карлионе[20 - Карлион – совр. Карлион на реке Аск в графстве Монмутшир, неподалеку от Ньюпорта. Там до настоящего времени сохранились развалины римского города Isca Silurum, которые описаны как местная достопримечательность еще хроникерами XII-XIII вв. Внушительные эти руины народная фантазия легко могла соединить с сюжетами Артуровских легенд (Wr I, 15). Что до названия, то оно разлагается на две составные части: Caer (брит. лагерь, поселение, мб. < лат. castrum, ср. также Карнарвон, Кармартен, Кардифф) и leon < лат. legionis. Второй элемент также вошел во многие географические названия Европы начиная от испанского Леона, возможно также и франц. Лион, восходящий, с другой стороны, к лат. Lugdunum. При этом, по мнению исследователей, здесь произошла контаминация двух различных по происхождению корней: лат. legion, с одной стороны, и с другой – имя кельтского божества света – ирл. Lug, валлийск. llew (см. Rhys C. Studies in the Arthurian Legend. Oxford, 1891). Этимология эта, как кажется, представляет интерес для объяснения столь большого количества в артуровских текстах якобы «львиных» наименований (ср. у Мэлори: Лионель, Лионетта, Лионесса, Лион и др.).]. На это празднество прибыл Лот, король Лоутеана и Оркнея, а с ним пятьсот рыцарей; прибыл также на праздник и Уриенс, король земли Гоор, и с ним четыреста рыцарей; и прибыл король Гарлота Нантрес и с ним семьсот рыцарей; прибыл также на это празднество король Шотландии с шестьюстами рыцарями, хоть и был он еще молод. И еще прибыл один король, который именовался Король-с-Сотней-Рыцарей, но, впрочем, было и у него самого и у его людей прекрасное оружие и во всем полное снаряжение; и еще прибыл король Карадос и с ним пятьсот рыцарей.

Порадовался король Артур их приезду, ибо думал, что короли и рыцари прибыли от великой к нему любви и чтобы воздать ему на пиру почести; и потому возвеселился король Артур и послал королям и рыцарям щедрые дары. Но короли даров не приняли и послов выгнали с позором, говоря: что нам за радость принимать подарки от безбородого юнца, который низок рождением? – и повелели сказать ему, что им от него подарков не надобно, что они сами приехали его одарить – крепким мечом между шеей и плечами; так и велели ему передать, что затем они сюда и приехали, ибо позор им всем великий, если такой юнец будет править столь славным королевством. С тем ответом послы и удалились, и королю Артуру его пересказали, и тогда по совету своих баронов он удалился с пятьюстами людей и засел в крепкой башне. А короли обложили ту башню и начали осаду, но у короля Артура припасов было довольно.

На пятнадцатый день явился среди людей Мерлин в городе Карлионе. Сильно обрадовались короли Мерлину и спрашивали его:

– Какая тому причина, чтобы стать этому юнцу Артуру нашим королем?

– Сэры, – отвечал Мерлин. – Я поведаю вам причину: он – сын короля Утера Пендрагона, рожденный в браке и зачатый Игрейной, женой герцога Тинтагильского.

– Но тогда он ему незаконный сын, – сказали все.

– О нет, – сказал Мерлин, – был Артур зачат после смерти герцога, спустя более трех часов, а на тринадцатый день после этого Утер обвенчался с Игрейной, и тем доказываю я вам, что он – законный Утеров отпрыск. И кто бы ни спорил, ни возражал, все равно он будет королем, всех врагов своих одолеет и прежде, чем умереть ему, долго будет царствовать над всею Англией, и будут в подчинении у него Уэльс, Ирландия, Шотландия и еще столько королевств, что мне сейчас и не счесть.

Подивились словам Мерлина иные короли и рассудили: быть по его слову; но нашлись там и такие, как король Лот, что принялись над ним смеяться и потешаться, а многие стали поносить его, называя чародеем. Но на одном порешили они с Мерлином – чтобы король Артур вышел к ним и говорил с королями, а в том, что придет и уйдет он целым и невредимым, дали они Мерлину свои зароки. Пошел он к королю Артуру, поведал ему об этом уговоре и так наставлял его:

– Не опасайтесь ничего, сэры, но смело выходите и говорите с ними: и не щадите их, отвечайте им, как и подобает их королю и повелителю, ибо все равно возьмете вы над ними верх, хотят они того или нет.

VII

О первом сражении, которое вел король Артур, и как он одержал победу

И вот вышел король Артур из башни, а под плащом была у него надета кольчуга двойного плетения, и с ним вышел архиепископ Кентерберийский, и сэр Бодуин Бретонский, и сэр Кэй, и сэр Брастиас; все эти мужи достойнейшие были с ним. Когда сошлись они, то никто не явил робости, и сказаны были горячие речи и той и другой стороной, король же Артур отвечал им и говорил, что если будет он жив, то все равно заставит их преклониться, и потому они все в гневе удалились. «Берегитесь же!» – сказал им король Артур, и они тоже сказали королю: «Берегитесь!». А король возвратился в свою башню и вооружился и вооружил своих рыцарей.

– Что станете вы делать? – спросил Мерлин королей. – Одумайтесь лучше, ибо вам здесь не победить, будь вас хоть десять раз столько.

– Разве подобает нам бояться какого-то толкователя снов? – воскликнул король Лот.

Тут Мерлин исчез и, явившись к королю Артуру, стал советовать ему, чтобы обрушился он на них со всей мощью. А между тем триста воинов из лучших, что были у королей, не долго думая перешли на сторону Артура, и это сильно его порадовало.

– Сэр, – сказал Мерлин Артуру, – не пускайте в ход тот меч, что достался вам чудом божиим, покуда не увидите, что дело совсем плохо. А тогда обнажите его и бейтесь что есть мочи.

И вот напал король Артур на них в их лагере, и сэр Бодуин, сэр Кэй и сэр Брастиас разили врагов направо и налево так, что дивно было смотреть, а впереди на коне всегда был король Артур с мечом в руках, и столько свершил он бранных подвигов, что многие короли возрадовались его ловкости и отваге. Но тут сзади пробился король Лот, а с ним Король-с-Сотней-Рыцарей и король Карадос, и яростно напали они на Артура с тыла.

Повернулся сэр Артур вместе с рыцарями своими и разил всех кругом, все время был сэр Артур первым в самой гуще битвы, покуда не убили под ним коня. Тут размахнулся король Лот и поверг наземь короля Артура. Но четыре рыцаря подхватили его и посадили на другого коня. И тогда вытащил он свой меч Экскалибур[21 - ...вытащил он меч Экскалибур. – Одна из обычных у Мэлори – и тем более в его громоздких «источниках», авторских и доавторских – неувязок;

см. ниже в тексте, где Артур добывает меч Экскалибур у Владычицы Озера (см. стр. 79). Этимология не ясна. Райт в примечаниях к тексту приводит отрывок из стихотворного романа «Мерлин» (XV в.), содержащий толкование этого имени (Wr, I, p. 18): *Ich am y-hote Escalibore unto a kynge fayr thesore, On Inglis is this writing: Kerve steel and yron, and al thing!* Я зовусь Эскалибор, Драгоценное сокровище короля, По-английски же будет эта надпись: «Разрубаю сталь, железо и все». Это пример типичной средневековой произвольной «этимологии», и заблистал он в глазах врагов его ярче тридцати факелов. И обратились они в бегство, и многие были перебиты. А тут поднялся простой люд Карлиона с дубинами и дрекольем и перебил многих рыцарей; короли же держались все вместе с теми из рыцарей, кто остался в живых, и так они бежали и скрылись. И пришел к Артуру Мерлин и дал ему совет их далее не преследовать.

VIII

Как Мерлин научил короля Артура послать за королем Баном и королем Борсом и о том, какой они ему дали военный совет

Король Артур устроил пир, а потом отправился в путь и прибыл в Лондон. Сюда, по совету Мерлина, созвал король своих баронов, ибо Мерлин предупредил его, что шестеро королей, против него воевавшие, не замедлят пойти войной на него и на его земли. Стал король спрашивать у баронов совета. Никакого совета они ему не дали, сказали лишь, что сил у них довольно.

– Хорошо сказано, – молвил Артур. – Я благодарю вас за вашу храбрость. Но, может быть, вы все, кто любите меня, спросите совета у Мерлина? Ведь вам ведомо, как много он для меня сделал и как много всего знает. Когда увидите его перед собою, то поклонитесь ему челом и попросите, чтобы дал наилучший совет.

Все бароны согласились поклониться ему и просить его совета. И вот послали за Мерлином, и все бароны просили его, чтобы дал им наилучший совет.

– Вот что скажу я вам, – ответил им Мерлин. – Остерегитесь: враги ваши весьма сильны, и искуснее бойцов еще на свете не бывало. Они привлекли сейчас на свою сторону еще четырех королей и одного могущественного герцога, и если

не пойдет за нашим королем рыцарство многочисленное, нежели можно набрать в пределах сего королевства, и не станет сражаться на его стороне, то будет он побежден и убит.

– Что же тогда нам делать? – вопрошали все бароны.

– Вот какой я дам вам совет, – сказал Мерлин. – Живут за морем два брата, оба короли и оба искусные воины. Одного из них зовут Бан, король Бенвика, другого же Борс, король Галлии, иначе сказать Франции. Против этих двух королей воюет могущественнейший из мужей король Клаудас, между ними распря из-за одного замка, и война у них идет превеликая. Но король Клаудас так богат добром всяким, что с помощью этого богатства привлекает к себе многих превосходных рыцарей и наносит тем двум королям поражения. А посему мой совет таков: пусть наш король и повелитель пошлет к королям Бану и Борсу двух надежных рыцарей с письмами, искусно составленными, и пригласит их явиться[22 - ...и пригласит их явиться... – Здесь начинается Винчестерский манускрипт. Изданная проф. Винавером рукопись была обнаружена в июле 1934 г. в библиотеке Винчестерского колледжа библиографом У. Ф. Оукшотом. Первое сообщение об этой находке было опубликовано в «Таймсе» 23 июля 1934 г. Рукопись выполнена двумя писцами. Начальные восемь листов рукописи, а также листы 32–33, 347–348 и конечные 488–492 утрачены, и в этих местах Винавер перепечатывал текст Кэкстона.] ко двору короля Артура и помочь ему в его войнах, а он за это поклянется помочь им в их войнах против короля Клаудаса. Что скажете вы на этот совет?

– Это добрый совет, – сказал Артур.

Тут же с превеликой поспешностью отрядили двух баронов ехать с этим поручением к двум королям, и по желанию короля Артура составлены были письма в любезнейшем духе, а послами были назначены Ульфиус и Брастиас. И отбыли они на добрых конях и в добрых доспехах, как требовал того обычай тех времен[23 - ...в добрых доспехах, как того требовал обычай тех времен. – Хотя персонажи Мэлори и принадлежат хронологически к VI в. (в той мере, в какой их вообще возможно соотнести с какой-либо реальной исторической эпохой), сам он писал в XV в. и отнюдь не ставил перед собой задачи придать своему тексту колорит старины – если отвлечься от архаизации «идеологической», которая выражалась в общей идеализации артуровских героев и обычаев прошлого. Поэтому даже о вооружении рыцаря, столь важном аспекте жизни героев, у Мэлори можно почерпнуть лишь самые общие сведения. Итак, что можно сказать

о вооружении рыцаря у Мэлори? Рыцарь – всадник, он тяжело вооружен – бесспорно, черта поздняя, передвигаться пешком практически не может (ср. эпизод с Рыцарем Телеги). Его оружие – копье (spear) и меч (sword), иногда еще пика (glaive). Меч висит у пояса на перевязи с пряжкой; копье – длинный шест с наконечником и со специальным перехватом на древке, обычно защищенным щитком. На спине у всадника на специальной перевязи висит щит. Копья – разной толщины и длины, в том числе особо прочные – квадратного сечения – везет за рыцарем оруженосец. На голове – шлем, более или менее закрытый, который прикрепляется к панцирю. Под шлемом, как и под панцирем, – слой тесно сплетенных металлических колец: кольчуга и кольчатый нагавник. Есть специальные латы для ног – поножи, наколенники и пр.; есть и латные рукавицы. Готовясь к конному поединку, рыцарь перетягивает на плечо или вперед щит, берет копье, упирает его тыльным концом в специальный крюк – фокр, который, согласно словарю Брука (V 1710), расположен на луке седла, по данным энциклопедии Брокгауза и Эфрона – на панцире у левой подмышки, а сколько можно судить из текста Мэлори, где-то на поножи (on their thighs). Поверх лат рыцари носили короткий широкий плащ, как правило расшитый геральдическими узорами, которые повторялись также и на щите. Облачиться в доспехи и, будучи в доспехах, сесть на коня рыцарь без посторонней помощи не может.], и, переехав через море, поскакали они к городу Бенвику. Но неподалеку от Бенвика заметили их восемь рыцарей, подстерегли на узкой дороге и хотели взять в плен. Стали они просить, чтобы те пропустили их, ибо они – посланцы от короля Артура к королям Бану и Борсу.

– Раз так, – сказали те рыцари, – значит, вы либо умрете, либо станете пленниками, ибо мы – рыцари короля Клаудаса.

И с теми словами двое из них наставили свои копья на Ульфиуса и Брастиаса, а те тоже наставили копья, и что было силы сшиблись они друг с другом. Сломались копья у рыцарей Клаудаса, вышибли их Ульфиус и Брастиас из седел и повергли наземь и, оставив их лежать, поскакали своей дорогой. Но остальные шестеро рыцарей поспешили вперед, чтобы снова встретиться с ними на узкой дороге. И еще двоих сокрушили Ульфиус и Брастиас и снова поскакали своей дорогой. Так, у четвертого переезда сошлись они двое на двое, но и этих двоих тоже повергли наземь. И не осталось из восьми рыцарей ни одного, кто не получил бы жестоких ран или кровавых ссадин.

Когда же прибыли они в Бенвик, то случилось, по счастью, так, что оба короля, Бан и Борс, были там. Сообщили королям, что прибыли два посланца. В тот же

час отправлены были к ним два достойнейших рыцаря, один из них звался Лионс, властитель Палернский, другой – сэр Фарианс, славный рыцарь; и спрашивали Ульфиуса и Брастиаса, откуда они прибыли. Те отвечали, что прибыли от короля Артура, короля земли Английской. Тут в превеликой радости заключили их рыцари в объятия. Но, ведая, что то – посланцы Артура, не медлили рыцари, а тот же час пошли и доложили королям. Короли приняли их с искренним радушием и объявили, что Артуровы посланцы им дороже всех прочих послов. И тогда, поцеловав письма, они вручили их королям. Когда же короли Бан и Борс узнали, что писано в тех письмах, то оказали им еще больший почет, нежели прежде. И на эти важные письма дали они такой ответ, что исполнят желание короля Артура, и пригласили сэра Ульфиуса и сэра Брастиаса погостить у них, сколько те пожелают, ибо здесь им окажут такое гостеприимство, какое только можно оказать в этих краях. А Ульфиус и Брастиас рассказали им о своем приключении по дороге с восемью рыцарями.

– А! – сказали Бан и Борс, – это наши старые знакомцы. Знал бы я об этом, они бы так легко не отделались.

И были оба рыцаря приняты там с великим почетом, и одарили их дарами, сколько могли они унести, и передали им ответ на словах и на бумаге, что оба короля придут к Артуру со всей возможной поспешностью. Пустились двое рыцарей в обратный путь, переехали через море и, явившись к своему господину, поведали ему, как успели они в том деле. Сильно возрадовался Артур и спрашивает:

– Как думаете вы, в какой срок придут сюда те два короля?

– Сэр, – отвечали они, – ждите их еще прежде Дня Всех Святых.

Тогда король повелел приготовить великий пир и по всему своему королевству сзывать охотников на турнир с поединками, и назначил быть тому празднеству в День Всех Святых. Время шло, и все было готово и устроено. И вот те два благородных короля прибыли из-за моря и ступили на Английскую землю, а с ними триста рыцарей в полном облачении и вооружении и для мира, а равно и на случай войны. И приняли их по-королевски и повезли к городу Лондону. А в десяти милях от Лондона встретил их Артур, и все так радовались, что и сказать нельзя. В День Всех Святых на великом пиру восседали три короля в просторном зале, и сэр Кэй-Сенешаль им прислуживал, и сэр Лукан-Дворецкий, сын герцога Корнеуса, и сэр Грифлет из Кардала, по прозвищу Божий Сын, – три эти рыцаря

распоряжались всей челядью, какая прислуживала королям. А когда они кончили пировать и вымыли руки, тут стали собираться все рыцари, кто хотел выступить и сразиться на турнире. И было их, когда собрались все охотники, семьсот всадников. Короли Артур, Бан и Борс, а с ними епископ Кентерберийский и сэр Эктор, отец Кэя, восседали под навесом из златотканого полотна, словно под сводами дворцового зала, и с ними благородные дамы – чтобы оттуда видеть, кто отличится на турнире, и по своему суду назвать победителей.

IX

О большом турнире, который задали король Артур и короли Бан и Борс, и как они переехали через море

Повелел король Артур и те двое королей разделиться семистам всадникам на две партии. И с одной стороны сражались триста рыцарей из королевств Бенвика и Галлии. Вот выставили они щиты свои, добрые всадники, наставили копья. И выехал на них первым сэр Грифлет, а навстречу ему – рыцарь по имени Ладиас. И так они яростно друг на друга ринулись, что все воины диву дались, и так отчаянно бились, что щиты у них разлетелись в куски, и кони вместе с всадниками рухнули наземь, и так долго лежали на земле и французский рыцарь, и английский, что все уже думали, будто они мертвы. Увидел Лукан-Дворецкий, что сэр Грифлет лежит на земле и не встает, привел ему другого коня, сел тот на коня, и вместе со многими молодыми рыцарями совершили они немало удивительных подвигов.

Потом и сэр Кэй выехал на поле с пятью рыцарями, и вместе они повергли наземь других шестерых. И совершил сэр Кэй в тот день столь много ратных подвигов, достойных изумления, что никто более в тот день так не отличился. А против них выступили Ладиас и Грациан, два французских рыцаря, и тоже явили превосходное искусство, так что все их восхваляли. После того выехал сэр Плацидас, добрый рыцарь, против сэра Кэя и поверг его наземь, и коня и всадника, и тогда разгневался сэр Грифлет, выехал на сэра Плацидаса и с такой силой его поразил, что рухнул тот наземь вместе с конем. А пятеро рыцарей сэра Кэя, завидев, что он лежит поверженный, разгневались превыше меры и, ринувшись в бой, поразили каждый по рыцарю.

Когда завидели король Артур и два короля гнев и ярость и с той и с другой стороны, поспешили сами они сесть на низкорослых лошадей и повелели возгласить, чтобы все расходились по домам. Разъехались все, поснимали доспехи и отправились к вечерне, а затем к ужину. После ужина вышли три короля в сад и объявили победителями на турнире сэра Кэя, сэра Лукана-Дворецкого и сэра Грифлета. А затем удалились они держать совет, и с ними Гвенбаус, брат королей Бана и Борса, муж ученый и премудрый, и туда же явились Ульфиус, Брастиас и Мерлин. Долго совещались, а потом пошли спать. Наутро слушали они обедню, потом позавтракали[24 - ...потом позавтракали... - В ориг.: *dyned* совр. *dined*, «пообедал». В средневековой Англии трапеза, обозначаемая этим словом, происходила обычно очень рано, около 10 ч. утра (*Wri*, 24). Это становится понятным в свете этимологии слова *dine* < средневек. лат. *disjunare*, лат. *disjejunare* (*dis* + *jejunium* - «пост»). Таким образом, это же слово дало современное франц. *dejeuner*, «завтрак», и вполне аналогично английскому *breakfast*, которое и употребляет Мэлори в большинстве случаев. Интересно, что в современном языке английское *dinner* фактически обычно соответствует русскому «ужину».], а потом снова удалились держать совет и много судили там и рядили, как им лучше поступить.

Наконец порешили, чтобы Мерлин отправился с печатью короля Бана в перстне к людям его и короля Борса; Грациан же и Плацидас должны возвратиться назад и охранять свои замки и земли, а король Бан Бенвикский и король Борс Галльский все им наказали, что и как устроить. Вот переехали они через море и прибыли в Бенвик. Там народ, увидев перстень с печатью короля Бана и видя Грациана с Плацидасом, принял их с почетом; их спрашивали, как поживают два короля, и от души радовались их благополучию.

И по велению властелинов своих стали снаряжаться воины со всей возможной поспешностью. Всего собралось пятнадцать тысяч, верхами и пеших, и было у них, заботами Мерлина, припасов вдоволь, Грациан же и Плацидас остались на родине – готовиться к обороне и укреплять замки против коварного короля Клаудаса.

Переправился Мерлин через море, и было у них в пути всего вдоволь, и на суше, и на воде. Но как подошли они к берегу моря, Мерлин отослал обратно всех пеших стрелков и взял с собою лишь десять тысяч верхами, все больше бывалых воинов. Он погрузил их на корабли, переехал через море и высадился на Английском берегу в Дувре. Оттуда, по хитрому своему замыслу, Мерлин повел войско на север, в Бедгрейнский лес по самой потайной дороге и потихоньку

расположил его там в долине. Потом поскакал Мерлин к Артуру и двум королям и поведал им обо всем, что он успел, и сильно дивились короли, что сумел человек за столь краткий срок съездить туда и возвратиться. И рассказал им Мерлин про десять тысяч всадников, что стояли, отлично вооруженные, в Бедгрейнском лесу.

Тут не о чем было больше толковать, сели на коней все воины, каких успел собрать до этого король Артур. И с двадцатью тысячами всадников скакал он днем и ночью. А там по Мерлинову указу еще раньше так было заведено, что ни одному вооруженному человеку, ни конному, ни пешему, не было ни проезда, ни прохода по земле по сю сторону Трента, ежели не вез он при себе особого знака от короля Артура, и оттого не смели теперь враги короля Артура там ездить и доглядывать, как ездили раньше.

Х

Как одиннадцать королей собрали великое войско против короля Артура

По прошествии же недолгого времени прибыли трое королей в Бедгрейнский лес и нашли там славную дружину, отлично вооруженную, отчего они сильно возвеселились, да и в припасах недостатка у них не было.

Вот как образовалось Северное войско, снаряженное и собранное за обиды шести королей, учинивших распрю в Карлионе. А те шестеро переманили к себе еще пять королей и теперь собирали своих людей, поклявшись, что – на счастье ли, на горе ли – не жить им, покуда не погубят они Артура.

Стали произносить они присягу, и первым говорил герцог Канбенет, что приведет он пять тысяч воинов, вооруженных и верхами. Потом поклялся король Брангорис Странгорский, что приведет пять тысяч воинов верхами. Потом клялся король Кларенс Нортумберландский, что приведет три тысячи человек. Потом поклялся Король-с-Сотней-Рыцарей, человек превосходных достоинств и молодой, что приведет пятьтысяч воинов верхами. Потом поклялся Король Лот, славный рыцарь и отец сэра Гавэйна, что он приведет с собой пять тысяч отличных воинов-конников. И еще клялся король Уриенс, отец сэра Ивейна, из земли Гоор, что он приведет шесть тысяч воинов верхами. И король Идрис

Корнуэльский поклялся привести пять тысяч верхами. И еще клялся король Крадилманс привести пять тысяч конников. И еще клялся король Ирландский привести пять тысяч воинов верхами. И король Карадос клялся привести пять тысяч воинов на конях. Так что все их великое войско составляли бывалые воины – верхами полных пятьдесят тысяч и пеших десять тысяч добрых бойцов[25 - ...и пеших десять тысяч добрых бойцов. – Параллельные французские места не упоминают о пехоте при описании армии одиннадцати королей (V 1288). В связи с этим уместно вспомнить, что пешие полки лучников, составлявшиеся из свободных крестьян, сыграли немалую роль в рыцарских войнах позднего средневековья. Однако во время Столетней войны, события которой были так близки Мэлори, пешие полки были лишь в английских армиях, но не во французских (ср. их роль в победе при Кресси, 1346 г.). Следует также иметь в виду, что такие идеологи рыцарского века, как «сэр Томас Мэлори, рыцарь», и тем паче – более ранние рыцарские романы, естественно, относились к этой армии простолюдинов неприязненно (ср. ниже в тексте речь короля Лота).].

Как только были они все готовы и на конях, высланы были на дорогу передовые всадники-лазутчики. Еще прежде эти одиннадцать королей обложили на своем пути замок Бедгрейн; а теперь отошли из-под замка и пустились навстречу Артуру, оставив лишь немногих, чтобы продолжали осаду, ибо замок Бедгрейн был держанием от короля Артура, и те, кто сидели в нем, были все Артуровы люди.

XI

О сне, приснившемся Королю-с-Сотней-Рыцарей

Но и Артур, по совету Мерлина, выслал передовой отряд всадников, дабы обследовать местность; и те повстречались с лазутчиками Севера и принудили их открыть, куда движется их войско. Поведали о том королю Артуру, и он, посоветовавшись с королями Баном и Борсом, повелел разорять и выжигать всю местность, по какой предстояло им ехать.

Между тем Королю-с-Сотней-Рыцарей привиделся за два дня до битвы дивный сон: будто подул ветер великий и обрушил их замки и города, а затем нахлынула вода и прочь унесла все обломки. И все, кто ни слышал о том сновидении,

говорили, что оно предвещает великую битву. Между тем, прознав, каким путем поедут одиннадцать королей и где станут в ту ночь лагерем, Артуровы люди, по наущению Мерлина, в полночь напали на них, когда были они в своих шатрах. Но ночной дозор их заметил и поднял клич тревоги: «К оружию, лорды! Ибо враги наши подле нас!»

XII

Как одиннадцать королей со своим войском бились против короля Артура и его войска и о многих подвигах воинской доблести

Тут король Артур и короли Бан и Борс со своими славными и верными рыцарями так яростно на них набросились, что обрушили шатры прямо на их головы. Но и одиннадцать королей явили подвиги мужественной доблести, и пало у них в тот предрассветный час десять тысяч добрых воинов. Но еще предстояли жестокие сражения, ибо у тех оставалось еще пятьдесят тысяч добрых бойцов.

Стало тем временем светать. И говорит Мерлин трем королям: – Теперь делайте, как я вам скажу. Пусть короли Бан и Борс со своими дружинами по десять тысяч человек засядут здесь, в ближнем леске, и притаятся, и пусть останутся там, покуда не разольется свет дня, а до той поры пусть не шелохнутся, пока вы и рыцари ваши будете вести бой с противником. Когда же совсем рассветет, прямо на глазах у него стройте свои полки и готовьтесь к битве и к переходу, и пусть они видят ваше войско, ибо тогда они совсем осмелеют, видя, что у вас только двадцать тысяч, и не станут задерживать вас с вашим войском.

И сказали трое королей и все бароны, что это Мерлин задумал отлично, и как он говорил, так и было сделано.

И когда рассвело и противные армии смогли увидеть друг друга, Северное войско сильно воспряло духом. Но потом Ульфиусу и Брастиасу отрядили три тысячи воинов, и они напали на тех в узком месте дороги, и всех разили направо и налево, так что диво было смотреть. Когда же одиннадцать королей увидели, сколь немногочислен этот отряд, вершащий такие подвиги, устыдились они и набросились на них с новой силой. Убили под сэром Ульфиусом коня, но он и пеший творил чудеса. Всех яростнее наседали на Ульфиуса герцог Эстанс

Канбенетский и король Кларенс Нортумберландский. Но сэр Брастиас, увидев, что товарищу его приходится туго, с такой силой поразил копьем герцога, что сокрушил и коня, и всадника. Это увидел король Кларенс, обернулся он против сэра Брастиаса, и такие нанесли они друг другу удары, что рухнули наземь оба: и кони, и всадники. И долго пролежали они на земле, оглушенные, а у коней их лопнули поджилки.

Тут подошел сэр Кэй-Сенешаль с шестью товарищами и тоже сражался с великою доблестью. Тогда выехали на бой одиннадцать королей, и были повергнуты наземь вместе с конями Грифлет и Лукан-Дворецкий, сокрушены королем Брангорисом и королем Идрисом и королем Ангвисансом.

Все яростнее и свирепее сражались и та сторона и другая. Когда сэр Кэй увидел, что под сэром Грифлетом нет лошади, устремился он на короля Нантреса, выбил его из седла, а коня его отвел к сэру Грифлету и помог ему подняться в седло. И еще сэр Кэй тем же копьем сокрушил короля Лота и нанес ему жестокую рану. Это увидел Король-с-Сотней-Рыцарей, и ринулся он на сэра Кэя, выбил его из седла, увел его коня и отдал королю Лоту, и он сказал ему на то: «Грамерси»[26 - Грамерси (graunt(e)mercuy). – Язык, которым писал Мэлори, принадлежит к поздней разновидности среднеанглийского языка, уже пережившего натиск англо-норманнского и вышедшего из многовековой борьбы с ним преобразенным, но не утратившим своего собственного национального обличья. Для него, однако, характерно, даже в обиходе, присутствие не удержавшихся впоследствии галлицизмов, как вышеприведенное graumercuy < фр. grand mercuy, которое мы и сочли уместным, основываясь на существующей традиции передачи по-русски некоторых французских слов типа «бонжур», для создания колорита транслитерировать в тексте перевода. Помимо общеязыковой тенденции, заметно еще и личное пристрастие Мэлори к воспроизведению в английском тексте французских слов, особенно непонятных.]. А сэр Грифлет, увидев, что сэр Кэй и сэр Лукан-Дворецкий оба пеши, поднял острое копье, тяжелое и квадратное, и ринулся на Пионеля, славного рыцаря, поверг его вместе с конем наземь, а затем взял его коня и отдал сэру Кэю.

Тут король Лот увидел, что под королем Нантресом нет коня, устремился он тогда на Мелиота де ла Роша, сокрушил всадника вместе с конем, а коня отвел к нему и помог ему подняться в седло. А Король-с-Сотней-Рыцарей, увидав, что пешим бьется король Идрис, бросился на Гвинаса де-Блуа сокрушил его наземь, и коня и всадника, и отдал коня королю Идрису и помог ему сесть в седло. После того король Лот выбил из седла сэра Кларинаса и его коня отдал герцогу

Эстансу. И когда все короли снова оказались верхами, съехались они все одиннадцать вместе и говорили между собой, что еще отплатят за урон, нанесенный им в тот день.

Между тем явился на поле битвы король Артур, и лик его был ужасен. Увидел он, что Ульфиус и Брастиас сражаются пешими и гибель грозит им со всех сторон и попирают их яростно конские копыта. Тогда, подобно льву, бросился Артур на короля Северного Уэльса Крадилманса и такой нанес ему удар с левой стороны, что рухнули наземь и конь, и всадник. Потом взял он его коня за узду, отвел его к Ульфиусу и молвил:

– Возьми этого коня, мой старый друг, ибо ты сильно нуждаешься в нем. И сказал ему Ульфиус:

– Грамерси.

После того являл король Артур своим оружием столь чудесные подвиги, что все люди кругом дивились. Но Король-с-Сотней-Рыцарей увидел, что под королем Крадилмансом нет коня, ринулся на сэра Эктора, отца сэра Кэя, сидевшего на добром коне, и вышиб его из седла, а коня отдал тому королю и помог ему усестись верхом. Когда увидел король Артур того короля верхом на коне сэра Эктора, он сильно разгневался и мечом своим нанес королю удар по шлему, так что раскололся шлем сбоку надвое, а также и щит; а меч вонзился в шею коню, и рухнули оба на землю, и конь и всадник. А сэр Кэй выехал против Морганора, сенешаля при Короле-с-Сотней-Рыцарей, сокрушил его наземь вместе с конем и коня отвел отцу своему сэру Эктору.

Потом сэр Эктор сшибся с рыцарем по имени Ларданс и сокрушил его, а коня отвел сэру Брастиасу, ибо тому, пешему, приходилось худо, со всех сторон его попирали конские копыта. Когда же Брастиас завидел Лукана-Дворецкого лежащим замертво под копытами лошадей – к нему как раз спешил на помощь Грифлет, ибо четырнадцать рыцарей наседали на сэра Лукана, – тут сэр Брастиас ударил одного из них по шлему так, что рассек ему голову по самые зубы, потом направил коня на другого и такой нанес ему удар, что у того рука отлетела прочь, а после того обернулся он против третьего и его поразил в плечо, так что рука вместе с плечом отлетели прочь. А когда сэр Грифлет увидел, что пришла подмога, он поразил одного рыцаря в висок, так что голова в шлеме покатила на землю: а Грифлет взял его коня, подвел к сэру Лукану и предложил ему подняться в седло и отплатить за свои увечья – и помог ему

сесть на коня.

XIII

Еще о том же сражении

Поглядел сэр Лукан и увидел, что король Ангвисанс вот-вот зарубит Мариса де ла Роша; ринулся на него Лукан, подняв острое свое и тяжелое копье, и нанес ему такой удар, что конь рухнул под ним на землю. А еще увидел Лукан, что бьются пешими Белиас Фландрский и сэр Гвинас, два храбрых рыцаря, и в гневе, охватившем его, зарубил Лукан двух молодых рыцарей, а им отдал коней. А битва становилась все яростнее. Но радовался король Артур, что все его люди снова на конях. И стали они биться плечо к плечу так, что шум и звон отдавался по водам и весям. И тогда изготовились короли Бан и Борс, наставили щиты и подтянули доспехи, и с такой смелостью ринулись в бой, что враги их так и затрепетали от ярости. А тем временем сэр Лукан, Гвинас, Бриант и Белиас Фландрский вели жаркий бой против шести королей: короля Лота, короля Нантреса, короля Брангориса, короля Идриса, короля Уриенса и короля Ангвисанса. Когда подоспели к ним на помощь сэр Кэй и сэр Грифлет, стали сильно теснить они шестерых королей, так что у тех едва доставало силы отбиваться. Видит Артур, что конца нет битве. Разъярился он, точно лев, стал носиться взад и вперед по полю, то направо поворотит коня, то налево, и до той поры не остановился, покуда не сокрушил двадцать рыцарей. И королю Лоту нанес он в плечо жестокую рану и тем принудил его покинуть поле брани, а также и сэр Кэй с сэром Грифлетом совершали, сражаясь подле короля Артура, подвиги великой воинской доблести.

А сэр Ульфиус, Брастиас и сэр Эктор бились против герцога Эстанса и короля Крадилманса, короля Кларенса Нортумберландского и короля Карадоса и Короля-с-Сотней-Рыцарей. И тем кончилась эта схватка шести королей с рыцарями, что пришлось им оставить поле брани. Сильно опечалился король Лот по своим товарищам, а также из-за урона, им понесенного, и сказал он королям:

– Если не сделаем мы, как я тут задумал, то все мы будем убиты и погублены. Пусть поедут со мною Король-с-Сотней-Рыцарей, и король Ангвисанс, и король Идрис, и герцог Канбенет. Будет у нас, у пяти королей, десять тысяч воинов, и

мы отойдем с ними, покуда шестеро королей с двенадцатью тысячами станут продолжать бой. А как увидим мы, что вы уже долго бьетесь с ними, мы набросимся на них со свежими силами; ибо иначе никогда не одолеть нам их, – говорил король Лот, – как только так.

Вот разделились они на две части, как было ими задумано, и шестеро королей, собрав все силы, устремились против короля Артура и вели с его войском долгую, жаркую битву.

Но тут вырвались из засады короли Бан и Борс, а передовыми выехали Лионс и Фарианс, и двое этих рыцарей повстречались с королем Идрисом и его дружиной. Завязалась между ними жаркая схватка, много копий было поломано, много щитов расколото и людей и коней погублено, и начал поддаваться король Идрис, вот-вот одолеют его. Это увидел король Ангвисанс, и вот уже Лионс с Фариансом на самом краю гибели, ибо он наслал на них герцога Канбенета с большой дружиной. Уже гибель грозит им двоим неотвратимо, уже решились они повернуть назад; ведь только чудом избегли они смерти сами и спасли своих людей. Но когда король Борс увидел, что двое его рыцарей обратились в бегство, жестоко опечалился он. И с такими силами ринулся вперед, что полки его чернели за ним тучей, точно разлитое чернильное море. Когда же король Лот завидел короля Борса, он сразу его признал и сказал так:

– Иисус да убережет нас от гибели и ужасных увечий, ибо я хорошо вижу, что великая опасность угрожает нам; ибо вон там вижу я короля, славнейшего из мужей, в чьи полки стремятся лучшие рыцари со всего мира.

– Кто же это? – спросил Король-с-Сотней-Рыцарей.

– Это, – отвечал он, – король Борс Галльский. Удивления достойно, как они попали в нашу страну, а из нас ни один о том не ведал.

– Их научил Мерлин, – молвил один из рыцарей.

– Что до меня, – сказал король Карадос, – то я выступлю навстречу королю Борсу и буду с ним биться, вы же придете мне на подмогу, когда в том будет нужда.

– Да, выступайте, – сказали они, – мы же готовы сделать все возможное.

И король Карадос со своим войском поскакал ровной рысью и приблизился к полкам короля Борса на расстояние полета стрелы из лука. Тут оба войска пустили коней во весь опор. Блеобрис, крестник короля Борса, вез штандарт своего военачальника; он был рыцарь превосходных достоинств.

– А ну-ка посмотрим, – сказал король Борс, – как-то эти северные бритты владеют оружием? И съехался король Борс с одним рыцарем и насквозь пронзил его копьем, так что упал тот замертво наземь: а после того обнажил он свой меч и свершал им такие подвиги воинской доблести, что дивились обе стороны. И рыцари его тоже не уронили своей славы. Был повергнут ими король Карадос. Но тогда выехал Король-с-Сотней-Рыцарей и силою своего оружия спас короля Карадоса, ибо он был рыцарь превосходных достоинств и совсем еще молод.

XIV

Еще о том же сражении

Но в это время, свирепый, как лев, выехал на поле брани король Бан, а на щите у него – зеленая полоса и по зеленому – золото.

– О, вот оно что! – промолвил король Лот, – значит, быть нам побежденными, ибо вон там вижу я наидоблестнейшего в мире рыцаря, мужа великой славы, ибо нет на свете других таких двух братьев, как король Бан и король Борс. И потому должны мы неизбежно либо отступить, либо погибнуть, и если не отступим мы мужественно и мудро, останется нам лишь смерть.

Вот вмешались в битву эти два короля, Бан и Борс, и бились они столь яростно, что звон и стук от их ударов отдавался по горам и долам. И заплакал король Лот от жалости и сострадания при виде того, сколь многие добрые рыцари приняли свой конец. Но великая мощь короля Бана принудила оба Северных войска, на какие те разделились, сбиться воедино от сильного страха. А три короля и их рыцари все разили и крушили, так что прежалостно было смотреть и видеть такое множество людей, обратившихся в безоглядное бегство.

Но король Лот и Король-с-Сотней-Рыцарей и король Морганор рыцарственно защищали своих людей и оружием своим вершили чудеса и целый день храбро вели этот отчаянный бой. Увидел Король-с-Сотней-Рыцарей, какой урон чинит им король Бан, стал теснить он его своим конем и ударил сверху по шлему с такой силой, что жестоко его оглушил. Пришел тут король Бан в такую свирепую ярость, что бросился преследовать его вне себя от гнева. Тот видит погоню и, вскинув щит на спину и пришпорив коня, скачет прочь, но удар короля Бана обрушивается на него сзади и откалывает край щита, меч скользит по кольчуге у него вдоль спины, разрубает стальной чепрак и лошадь ровно пополам и вонзается в землю. Высвободил быстро ноги из стремя Король-с-Сотней-Рыцарей и насквозь пронзил своим мечом коня под королем Баком. Тогда и король Бан быстро высвободил ноги из-под мертвого коня и так сильно поразил противника ударом по шлему, что тот рухнул на землю. И еще в порыве гнева сокрушил он короля Морганора, и пало там великое множество добрых рыцарей и простого люда. Ворвался в гущу битвы король Артур и увидел, что король Бан стоит среди мертвых людей и мертвых коней и бьется пешим, точно яростный лев, так что ни один не отваживается к нему приблизиться настолько, чтобы он мог достать своим мечом. Но и ему нанесен был жестокий удар по шлему, и король Артур сильно о том опечалился. А был король Артур так весь окровавлен, что по щиту никто не признал бы его, ибо щит его и меч были сплошь измазаны кровью и мозгами. Поглядел король Артур вокруг себя и увидел рыцаря на прекрасном коне. Тогда бросился он на него и так ударил по шлему, что прошел меч до зубов, и рухнул рыцарь мертвый наземь. А король Артур взял коня его под уздцы, подвел к королю Бану и молвил:

– Доблестный брат, примите этого коня, ибо у вас в нем великая нужда, и я сокрушаюсь о тяжком уроне, что вы претерпели.

– Он вскорости будет отомщен, – сказал король Бан, – ибо я полагаюсь на бога и верю, что раны мои еще не таковы, чтобы врагам моим не поплатиться жестоко за них.

– На это и я уповаю, – сказал король Артур, – ибо воистину видел подвиги ваши, но меня к тому времени, быть может, не окажется поблизости.

Когда поднялся в седло король Бан, началось тут новое сражение, и было оно жестоким и жарким, и великое произошло кровопролитие. И благодаря мощи своей король Артур, король Бан и король Борс могли распорядиться, чтобы их рыцари спешили и отошли в небольшой лесок через речку; и там отдыхали

они, ибо в предыдущую ночь невелик был у них отдых на поле брани. А те одиннадцать королей со своими всадниками и не мыслили отступить; они сбились все вместе в одну кучу, охваченные страхом и лишённые какой-либо надежды. Но одолеть их не мог никто на свете, ибо так крепко стояли они и в передних рядах, и позади, что нельзя было к ним подступиться, и дивился король Артур доблести их оружия и разгневался он ужасно.

– О, сэр Артур, – молвили ему король Бан и король Борс, – не вините их, ибо они поступают так, как и подобает добрым мужам. Ибо клянусь верой моею, – сказал король Бан, – они – славнейшие из воинов и рыцари величайшей доблести, каких мы видели когда-либо или слышали о них молву. Эти одиннадцать – достойнейшие из мужей; и будь они на вашей стороне, не сыскалось бы под небесами второго короля, у которого служили бы другие одиннадцать столь славных королей.

– Я не могу любить их, – отвечал король Артур, – ибо они желали моей гибели.

– Про то и нам ведомо, – сказали король Бан и король Борс, – они – ваши смертельные враги, и это доказано было еще прежде. Они и ныне делали свое черное дело, но великого сожаления достойна их злонамеренность.

А одиннадцать королей съехались все вместе. И тогда сказал король Лот:

– Лорды, вам надлежит против прежнего изменить свои действия, а не то ждут вас великие потери: ибо глядите, сколько людей мы уже потеряли и сколь добрых рыцарей мы лишаемся из-за того, что все время охраняем пешие полки; и так выходит, что, спасая одного пешего, мы теряем за него десять конников. А потому совет мой таков: отведем от нас наши пешие полки, ибо близится ночь. И благородный король Артур не станет тратить времени на пеших стрелков, а они всегда могут спастись: до леса рукой подать. Когда же мы, всадники, соберемся вместе, пусть каждый из вас, королей, даст повеление, чтобы под страхом смерти ни один не покинул рядов. И кто увидит, что рыцарь готовится обратиться в бегство, пусть убьет его, ибо лучше нам убить труса, чем всем из-за труса быть убитыми. Что скажете вы? – говорил король Лот. – Пусть каждый король мне ответит!

– Хорошо вы говорили, – сказал король Нантрес. Так сказал и Король-с-Сотней-Рыцарей. То же сказали и король Карадос, а с ним и король Уриенс; так сказали

король Идрис и король Брангорис; также и король Крадилманс и герцог Канбенет; то же сказал и король Кларенс, а также и король Ангвисанс, и поклялись, что не предадут друг друга, все равно, жить ли им или погибнуть. И всякий, кто побежит, должен умереть от их руки. Потом починили они свои доспехи, выровняли щиты, взяли новые копья и уперли их каждый в бедро, и так стояли недвижно, точно лес стоячий.

XV

Еще о помянутом сражении и как завершилось оно благодаря Мерлину

Когда король Артур и короли Бан и Борс увидели их и всех их всадников, воздали они им хвалу за их рыцарское мужество, ибо отважнее бойцов не видали они и рассказов о таких не слыхали. Тут изготовились к бою сорок рыцарей и объявили трем королям, что готовы прорвать вражеские ряды. Имена же их были: Лионс, Фарианс, Ульфиус, Брастиас, Эктор, Кэй, Лукан-Дворецкий, Гриффлет Божий Сын, Марис де ла Рош, Гвинас де Блуа[27 - Гвинас де Блуа – в оригинале здесь Gwyniarde de Bloy, ниже Gwynas. Выделение форманта -arte подтверждается аналогией Borre – Boarte.], Бриант-Лесовик, Белиас, Морианс из Девичьего Замка, Фландер из Замка Дам, Аннециан, крестник короля Борса, добрый рыцарь, и Ладиас де ла Рус, Эмеранс, Каулас, Грациан-Кастелян, Блойс де ла Кас и сэр Колгреванс Гоорский. Все эти рыцари поскакали вперед, уперев копья каждый в бедро и сильно пришпорив коней. Тогда одиннадцать королей и иные из их рыцарей ринулись им навстречу во весь опор, навесив копья, и были тут свершены славные воинские подвиги и с той стороны и с этой. Но тут ворвались в гущу битвы Артур, Бан и Борс и крушили направо и налево, так что кони их ступали по самые бабки в крови. Но все так же сражались одиннадцать королей с Артуром лицом к лицу. И сильно дивились тому короли Бан и Борс, ведь было тут великое побоище; но вот наконец отошли они за малую речку. Тогда явился Мерлин на большом черном коне и сказал королю Артуру:

– Неуёмен ты. Неужто тебе еще мало? Ныне из шестидесяти тысяч ты разве пятнадцать тысяч оставил в живых. И потому настало время трубить отбой, ибо господь гневается на тебя за твою неуёмность. Вон там стоят одиннадцать королей, и тебе сейчас не сломить их, а помедлишь еще немного, то удача твоя от тебя отвернется, их же – будет возрасть. А потому отходите с поля боя и

расположитесь на отдых, а добрых ваших рыцарей наградите золотом и серебром, ибо они это заслужили. Нет сокровищ, слишком для них драгоценных, ибо при столь немногочисленном войске, как у вас, никогда еще не свершали люди столь славных подвигов воинской доблести, как вы свершили сегодня: ибо ныне вы бились со славою против лучших бойцов мира.

– Это правда, – сказали короли Бан и Борс.

И тогда обратился Мерлин к ним:

– Уезжайте отсюда, куда хотите, ибо на ближайшие три года я могу поручиться, что они не потревожат вас; а к тому времени вы услышите новые вести.

И сказал Мерлин Артуру:

– Этих одиннадцать королей ожидает более забот, нежели они полагают, ибо в их владениях высадились сарацины, числом более сорока тысяч, и жгут и убивают, они обложили замок Вандесборо и причиняют великие разрушения; а потому в этом году вам нечего их опасаться. А также, сэр, пусть будет разыскана вся добыча, взятая в этом сражении, и, когда вся она окажется в ваших руках, пусть будут щедро наделены ею эти два короля, Бан и Борс, дабы и они могли наградить от этих богатств своих рыцарей; тогда в нужде вашей люди из чужих стран станут с большей охотой приходить к вам на службу. Своих же рыцарей вы можете наградить, когда только ни вздумаете.

– Хорошо сказано, – отвечал Артур, – как ты задумал, так и будет сделано.

Когда передана была добыча королям Бану и Борсу, они наделили добром своих рыцарей с такой же щедростью, с какой и сами были наделены. А Мерлин распрощался с королем Артуром и с двумя королями, ибо хотел посетить наставника своего Блэза[28 - Наставник Мерлина Блэз (C: Bleyse; W: Bloyse) – В текстах французских артуровских романов после Кретьена де Труа имеются в нескольких случаях ссылки на авторитет знаменитого «повествователя» (fabulator) из Уэльса по имени Bleheris, валлийск. Bledfri. Это – историческое лицо, представляющее большой интерес для исследователей, поскольку он указывает скорее на валлийское, а не бретонское происхождение этих сюжетов. Трансформировавшись в «летописца» Блэза, Блехерис нашел свое место и у Мэлори.], что жил в Нортумберланде. Отправился он и прибыл к своему

наставнику, и тот сильно возрадовался его приходу. И поведал он ему о том, как преуспел Артур и двое королей в той великой войне и чем она кончилась, и назвал ему поименно всех королей и славных рыцарей, принимавших в ней участие. Блэз же записал о той войне все слово в слово, что Мерлин ему рассказывал, как она началась и кем была затеяна, а также и чем кончилось и кто одержал верх. И все сражения, что случились в Артуровы дни, наставник Мерлина Блэз с его слов вот так записывал. Также записал он и все поединки, какие вел каждый из славных рыцарей Артурова двора.

После этого Мерлин покинул своего наставника и возвратился к королю Артуру, который находился в замке Бедгрейн, одном из тех замков, что стоят в Шервудском лесу[29 - Шервудский лес. – Знаком русскому читателю как место действия знаменитых баллад о Робине Гуде. По происхождению слово sherwood означает лес (wood) в пользовании у всего графства (shire), «общий лес». И, стало быть, такое название могли носить леса в самых разных местностях.]. Наряжен же Мерлин был так, что король Артур его не признал, ибо он был весь укутан в черную овчину, обут в грубые сапоги, за спиною лук со стрелами, поверх плащ грубоотканый, и в обеих руках держал по дикому гусю. Было это наутро после Сретения Господня. Артур не признал его.

– Сэр, – сказал Мерлин королю, – пожалуйста меня подарком.

– Зачем же, – спросил король Артур, – должен я делать тебе подарок, мужичина?

– Сэр, – ответил Мерлин, – уж лучше вы отдайте мне в подарок то, чего нет у вас в руках, иначе утратите вы великие богатства. Ибо здесь, в этом самом месте, где велась великая битва, лежит упрятанное в землю бесценное сокровище.

– Кто тебе это сказал, мужичина?

– Сэр, это сказал мне Мерлин, – ответил он.

Тут Ульфиус и Брастиас узнали его и стали смеяться.

– Сэр, – сказали эти два рыцаря, – ведь это Мерлин говорит с вами.

Король Артур тут сильно смутился, и подивился он Мерлиновой хитрости, а равно и короли Бан и Борс. Так он их всех потешил. Между тем прибыла ко двору благородная девица, герцогская дочь; имя отца ее было Санам, она же звалась Лионора и была прекрасна собою. Прибыла она туда, дабы, как все бароны, оказать почести королю после великой войны. Королю Артуру она очень полюбилась, и он ей тоже, и король возлежал с нею, и зачала она от него и родила сына. Имя ему дали Борр[30 - Борр (Borr). – Значительно позже, в тексте «Исцеления сэра Уррия», фигурирует «sir Boarte le Cure Hardy, that was kynge Arthurs sone» сэр Борр-Бесстрашное сердце, сын короля Артура] несомненно, тот же персонаж, что подтверждается также аналогией форм имени Gwynas – Gwyniarte. В переводе для обоих случаев принята одна форма – Borre.] и стал он в последующие годы добрым рыцарем в дружине Круглого Стола. Потом прошел слух, что король Северного Уэльса Риенс пошел великой войною на короля Лодегранса Камилардского, и разгневался король Артур, ибо он сильно любил его, Риенса же ненавидел, ибо тот во всем шел против него. (А по велению трех королев были отосланы обратно в Бенвик все те, кто желал вернуться из опасения перед королем Клаудасом. И рыцари Фарианс, Аннециан, Грациан и Лионс Палернский возглавили тех, кто должен был охранять владения двух королев.)

XVI

Как король Артур, король Бан и король Борс спасли короля Лодегранса, и другие обстоятельства

И вот король Артур, король Бан и король Борс выступили со своими полками, числом в двадцать тысяч, и на седьмой день прибыли в страну Камилард; там вступились они за короля Лодегранса и многих людей короля Риенса перебили, числом тысяч до десяти, и обратили его в бегство. После того оказал король Лодегранс трем королям почетный прием и благодарил их за великую доброту, что отомстили они за него его недругам.

Тогда-то увидел Артур впервые королеву Гвиневеру, дочь короля страны Камилард, и с тех пор всю жизнь любил ее. Впоследствии обвенчались они, как о том рассказывается в этой книге.

Между тем, коротко говоря, собрались Бан и Борс назад в свою страну, ибо король Клаудас чинил великие опустошения в их землях. И молвил тогда Артур:

– И я поеду с вами.

– Нет, – отвечали они, – сейчас вам не надобно ехать, у вас есть много дел и в этой стране. А потому мы расстанемся. На богатую добычу, что получили мы в этой стране от вас в награду, мы сможем нанять многих добрых рыцарей и отстоять владения наши от коварного короля Клаудаса, и милостию божией, буде возникнет у нас в том нужда, мы можем послать к вам за подмогой. А буде у вас возникнет нужда, то и вы посылайте за нами, и мы не помедлим, в чем клянемся жизнью.

– Не будет в том нужды, – молвил Мерлин, – чтобы эти два короля снова с войною сюда возвращались; но мне ведомо, что король Артур недолго пробудет в разлуке с вами. Ибо не пройдет и двух лет, как беда подступится к вам, и тогда отомстит он за вас вашим врагам, как вы отомстили за него. А эти одиннадцать королей все погибнут в один день через великую мощь и силу оружия двух доблестных рыцарей, – как о том повествуется впоследствии. Имена их: Балин Свирепый и Балан, брат его, и они добрые рыцари, каких лучше и на свете не бывало.

А теперь обратимся мы к одиннадцати королям, что вернулись в город под названием Сурхот, а был этот город во владениях короля Уриенса. И там отдохнули они и подкрепились, как могли, призвали лекарей, чтобы залечили их раны, и оплакали гибель людей своих. Но тут явился к ним вестник и поведал, что в их земли вторглись люди, не знающие закона, наподобие сарацин, числом в сорок тысяч, что они все предают огню и всех, кого встретят, обрекают гибели без милосердия, и что обложили они замок Вандесборо.

– Увы! – вскричали одиннадцать королей. – За бедствиями обрушиваются на нас новые бедствия, вот теперь, если бы не воевали мы против Артура, он скоро заступился бы за нас и отомстил. Что же до короля Лодегранса, то он любит Артура больше, нежели нас; а король Риенс занят с королем Лодегрансом, ибо тот обложил его в его замке.

И сговорились они между собой охранять все границы Корнуэлла, Уэльса и Севера. Для того прежде всего посадили они короля Идриса в город Нант в

Бретани с четырьмя тысячами вооруженных воинов, чтобы караулить и на воде и на суше. Также посадили они в город Виндесан короля Нантреса Гарлотского с четырьмя тысячами рыцарей караулить на воде и на суше. И еще у них оставалось более восьми тысяч воинов, чтобы расположить во всех крепостях по границам Корнуэлла. И еще поставили они на границах Уэльса и Шотландии других королей с добрыми гарнизонами, и так продержались они три года, заключая, где возможно, союзы с могущественными королями и герцогами. На их сторону встал король Риенс из Северного Уэльса, могущественный король среди мужей, и Неро, могучий муж. И все это время они собирали и вооружали новые полки и запасались провиантом и всякого рода снаряжением, для войны потребным, чтобы расквитаться за Бедгрейнскую битву, как о том повествуется в книге приключений.

XVII

Как король Артур приехал в Карлион, и о его сновидении, и как он видел Зверя Рыкающего

А король Артур после отъезда королей Бана и Борса приехал в город Карлион. И прибыла к нему туда супруга короля Лота Оркнейского будто бы с вестями, но на самом деле была она послана доглядывать за двором Артуровым. И прибыла она в богатых одеждах, сопровождаемая четырьмя своими сыновьями: Гавейном[31 - Гавейн. – Этот персонаж имеет почти столь же древнюю и славную историю, как и сам Артур. В нем сохранились черты «солнечного» героя первобытно-магической культуры. Самое имя Гавейн (лат. Walwanus бретонск. Walwein) содержит свидетельство о генетической связи с валлийским фольклорным образом Гури Золотоволосым, или Длинноволосым, валлийск. [Gwry] Gwallta(d)vwyn ? Galvagin ? Galvain ? Gauwain. Об его популярности в Британии можно судить хотя бы по тому, что именно он является протагонистом героической аллитеративной поэмы XIV в. «Morte Arthure», выступая там в качестве эпического героя, своего рода английского Роланда. Однако Гавейн раньше и в большей мере, чем Артур или Ланселот, подвергся общей тенденции развенчания и низвержения героев, и среди источников Мэлори (как и в ряде других текстов), по крайней мере некоторые, рисуют его в явно отрицательном свете – и трусливым, и хвастливым, и мстительным, и проч. (Правда, даже будучи возвеличенным героем МА, Гавейн все-таки преспокойно обращается за помощью тогда, когда Роланд отказывался затрубить в рог, так что этот мотив

можно считать английским национальным вкладом в развитие образа эпического героя.). У Мэлори в трактовке образа Гавейна нет последовательности – он дается то в положительном, то в отрицательном освещении, в зависимости от «про-Гавейновской» или «анти-Гавейновской» ориентации использованных источников.], Гахерисом, Агравейном и Гаретом и многими рыцарями и дамами, ибо была она собой весьма прекрасна.

И потому король воспылал к ней великой любовью и возжелал ее. На том согласились они, и зачала она от него сэра Мордреда. Приходилась же она Артуру сестрой со стороны матери его Игрейны. Она прожила там один месяц, а затем наконец уехала.

А королю привиделся чудесный сон, вселивший в него великий страх (хоть король Артур все это время и не знал, что супруга короля Лота приходится ему сестрой). Снилось же ему вот что: будто заполонили его землю грифоны и змеи и будто сожгли они и истребили весь народ в его королевстве; и привиделось ему, что он вступил с ними в бой и что причинили они ему великий урон и нанесли ему жестокие раны, но будто бы под конец он их зарубил.

Пробудился король, и тяжело было у него на душе после того сна; и потому, чтобы прогнать о нем все мысли, собрался он со многими рыцарями ехать на охоту. Только выехали они в лес, завидел король впереди матерого оленя.

– Погонюсь за этим оленем, – сказал король Артур. Пришпорил он коня и долго скакал за оленем, и часто на полном скаку, казалось, вот-вот поразит он его. И так долго гонялся он за тем оленем, что конь его задохнулся и пал наземь, и тогда отправился доезжачий назад привести ему другого коня.

Видит король, что олень ушел от погони, а конь его пал, сел он тут у ручья и глубоко задумался. Так он сидел, и стало чудиться ему, будто он слышит лай собачьей своры глоток в тридцать, и вдруг видит: выходит прямо на него удивительнейший зверь, какого не случалось ему ни видеть, ни рассказов о таком слышать.

Подошел зверь к источнику и стал пить. И такой из брюха у зверя слышался рык, будто лают разом тридцать гончих псов, но, покуда пил он, шума у него в брюхе не было. Наконец, с громогласным рыком удалился зверь, а король глядел ему вслед, и показалось ему все это весьма удивительно. Задумался он о том

глубоко, а потом погрузился в сон. Тут же явился пред Артуром пеший рыцарь и спросил:

– Рыцарь задумчивый и сонный, скажи мне, не проходил ли здесь чудесный зверь?

– Видел я такого, – отвечал король Артур, – он сейчас уже милях в двух отсюда. А для чего нужен он вам? – спросил Артур.

– Сэр, я уже давно преследую этого зверя и загнал много коней. Только бы мне достать еще одного, дабы мог я продолжить погоню.

Тут как раз подскакал доезжачий с конем для короля. Когда рыцарь увидел коня, стал просить он короля Артура, чтобы подарил он того коня ему:

– Ибо я провел в погоне вот уже двенадцать месяцев, и либо настигну этого зверя, либо изйду лучшей кровью моего тела, – (так говорил тот рыцарь, а имя ему было король Пелинор, и гонялся он за Зверем Рыкающим[32 - Зверь Рыкающий – подробное описание этого мифического животного см. в кн. IX. Мотив этот, имеющий, вероятно, восточное происхождение (см. Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872), у Мэлори не разработан, а использован лишь как признак, характеризующий сначала Пелинора, а позднее Паломиды. Ср. два меча как признак Балина (кн. II), сюжетно настолько несущественный, что с потерей одного меча герой объявляется безоружным, – одна из тех неувязок, какими нередко грешат объемистые книги, не обязательно средневековые.], когда же умер он, то погоню продолжил сэр Паломид).

XVIII

Как король Пелинор взял артурова коня и последовал за Зверем Рыкающим и как встретился с Мерлином Артур

– Сэр рыцарь, – сказал король, – оставьте это преследование, а я, если вы согласитесь, возьму его на себя и буду гоняться за ним еще двенадцать

месяцев.

– О глупец! – отвечал тот королю Артуру. – Бессмысленно твое желание, ибо никому не настигнуть его, кроме меня или ближайшего моего сородича.

С тем подошел он к королевскому коню, сел в седло и сказал:

– Грамерси, теперь это мой конь.

– Ну, – сказал король, – ты бы лучше взял у меня коня моего силой, тогда бы я мог сразиться с тобой и мог бы узнать, кто из нас достойнее владеть им: ты или я?

Услышав такие слова, тот король сказал:

– Ищи меня здесь, когда захочешь, и в этом самом месте, подле источника, ты меня найдешь, – и поскакал прочь своей дорогой.

А король погрузился в задумчивость, а потом подозвал своих людей и велел привести себе другого коня, да побыстрее. Но в это время подошел к нему Мерлин в облике юного отрока четырнадцати лет, приветствовал короля и спросил, отчего он так задумчив.

– Тут поневоле задумаешься, – отвечал король, – ведь я видел сейчас величайшее в свете диво.

– Я знаю об этом, – сказал Мерлин, – не хуже тебя самого, и знаю все твои мысли. Но ты глупец, что принимаешь так близко к сердцу то, в чем ты бессилен. Также знаю я, кто ты таков, и кто был твой отец, и кем был ты зачат: ибо отец твой – король Утер, и зачала тебя от него Игрейна.

– Это ложь! – молвил король Артур. – Откуда тебе знать это, ведь ты годами не настолько стар, чтобы знать моего отца.

– Все равно, – отвечал Мерлин, – я знаю все это лучше, чем любой другой человек на свете.

– Не верю я тебе, – молвил король Артур, сильно гневаясь на отрока. Тут удалился Мерлин и явился вновь в облиции древнего старца восьмидесяти лет. И Артур возрадовался, ибо этот старец был с виду очень мудр. Спросил его старец:

– Отчего ты так печален?

– Поневоле будешь тут печален, – отвечал Артур, – ибо много к тому причин. Только сейчас был здесь отрок, который поведал мне многое, чего, думается мне, не должен он был знать, ибо он не вышел годами, чтобы знать моего отца.

– Нет, – сказал старец, – тот отрок поведал вам правду, и он еще многое рассказал бы вам, пожелай вы его выслушать. Но в недавнее время вы совершили поступок, за который господь гневается на вас, ибо вы возлежали с сестрой вашей и от нее зачали сына, от руки которого погибнете вы и все рыцари вашего королевства.

– Кто таков ты, – спросил Артур, – что приносишь мне такие вести?

– Сэр, я – Мерлин, и я же являлся вам в облиции отрока.

– А-а, – сказал король, – ты удивительный человек. Но я более всего дивлюсь твоим словам, что я должен погибнуть в бою.

– Не дивитесь, – сказал Мерлин, – ибо такова божия воля, чтобы тело ваше понесло кару за ваши дурные дела. Но сокрушаться должно более мне, – сказал Мерлин, – ибо мне предстоит погибнуть позорной смертью: быть заживо зарытым в землю; вы же умрете смертью славной.

Покуда так толковали они, подъехал человек с конем для короля, и король уселся на коня, а Мерлин – на другого, и поскакали они в Карлион.

А там спросил король Эктора и Ульфиуса о том, как он был рожден на свет, и они рассказали, что отец его – король Утер, а королева Игрейна – мать.

– Так и Мерлин говорил мне. Пусть пошлют за моею матерью, дабы мог я говорить с нею. И если она сама это скажет, тогда я поверю.

С превеликой поспешностью послали за королевой, и прибыла она вместе с Феей Морганой, дочерью своею, которая была так прекрасна собою, что лучше и быть не может. Король встретил Игрейну с радушием и почетом.

XIX

Как Ульфиус обвинил Игрейну, мать Артура, в измене, и как прибыл туда рыцарь, желавший отмщения за смерть своего господина

Вышел тут Ульфиус и говорил открыто, так что и король, и все, кто пировал там, могли слышать:

– Ты – лживейшая женщина в свете и предательница пред королем.

– Гляди, – сказал король Артур, – обвинение твое тяжко; ты несешь ответ за свои слова.

– Сэр, я знаю, что говорю, – отвечал Ульфиус, – и вот перчатка моя, дабы доказать мою правоту всякому, кто бы ни вздумал говорить противное. Из-за этой королевы Игрейны несете вы великий ущерб, из-за нее же и великая война ваша, ибо если бы открыла она еще при жизни Утера тайну вашего рождения и как вы были зачаты, то не пришлось бы вам вести смертную войну, какую вы вели. Ведь почти никто из баронов в вашем королевстве не знал, чей вы сын и кто вас породил; ей же, которая произвела вас на свет из чрева своего, надлежало открыто о том поведать, дабы восстановить свою честь и вашу, а равно и всего королевства. Оттого я и обвиняю ее в предательстве пред богом, и пред вами, и пред королевством вашим. И кто станет говорить противное, тому докажу я свою правоту в честном поединке.

Тут заговорила Игрейна и молвила:

– Я женщина и не могу сразиться с вами; но, дабы поддержать честь мою, я верю, отыскался бы добрый человек, который взял бы мою сторону в споре. Но, – так говорила она, – Мерлин хорошо знает и вы, сэр Ульфиус, тоже, как пришел ко мне король Утер в замок Тинтагиль в облиии моего супруга, убитого за три часа

до того, и как в ту ночь зачала я от него, а он на четырнадцатый день со мною обвенчался. И по его велению, когда родилось дитя, отдали его на воспитание Мерлину. А я никогда больше не видела ребенка и не знаю даже имени его; потому не смогла бы его признать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Утер Пендрагон. – Собственное имя Утер (валлийск. Uthr) существовало у кельтов и засвидетельствовано памятниками (см. ALMA 14, 83), хотя и означает само по себе «ужасный». Пендрагон («реп», валлийск. «голова») – по-видимому, титул, в значении «главный дракон», принадлежавший ряду кельтских королей, распространявших свое владычество на несколько племен.

2

...сказала она герцогу... – В ориг.: «she tolde the duke and seyde». Реплики диалога у Мэлори в подавляющем большинстве случаев предваряются или заключаются этим словом, так что встречаются выражения типа: «...askede and seyde» «he cryiede with a lowde voyce and seyde»; «...spake on hygh unto kynge and seyde; – Fye uppon the, traitor! – they seyde». Такое употребление убедительно доказывает формальную роль этого глагола в тексте, хотя настойчивое повторение безусловно придает диалогу напевную монотонность.

Террабиль. – Это название, в отличие от Тинтагиль, представляется прозрачным по смыслу (Terrible – грозный). Однако Тинтагиль, по крайней мере один, существовал реально, – ср. совр. Тинтаджел – город на берегу Бристольского залива. Террабиль, реально не существующий, связан с ним по созвучию (такие созвучия не случайны для прозы Мэлори) и потому оставлен непереведенным.

Мерлин – образ знаменитого в средневековой литературе чародея, одно из красочных порождений кельтского фантастического фольклора (валлийск. Myrddin). Как колдун и прорицатель, был известен в средние века едва ли не всем народам Европы. После Гальфрида Монмутского, создавшего около 1135 г. свои «Prophetiae Merlini», фантастические «Пророчества Мерлина» распространялись всюду от Сицилии до Исландии вплоть до XVII в.

У Мэлори образ Мерлина получил своеобразную трактовку: утрачены или рационалистически переосмыслены многие волшебные подробности и обстоятельства (например, его чудесное рождение, детство). Здесь Мерлин скорее умудренный опытом советник короля, не провидящий, а предвидящий будущее.

Артур – один из самых популярных образов не только средневековой европейской, но и мировой литературы. Исторически – национальный герой бриттов, возглавившие в конце V – нач. VI в. (упоминается в «Истории бриттов» Ненния – IX, в хронике «Анналы Уэльса» X в. и, косвенно, еще раньше в хронике св. Гильдаса «О гибели Британии» VI в.) борьбу против англосаксонского

вторжения и одержавший, по-видимому, триумфальную победу в битве при горе Бадоне, почти на полвека задержавшую проникновение германцев на Британские острова.

Имя Arthur большинство исследователей производят от заимствованного римского родового имени Artorius, которое мог носить и кельтский племенной вождь. Однако на уровне кельтской мифологии, в которую был включен этот образ, существует несколько многозначительных этимологий, например, Arthur < Ardu < ar («очень») + du («черный») – обозначение ворона. Действительно, существует поверье, что Артур не умер, а превратился в ворона (ср. воронов – хранителей Британии, живущих в Лондонском Тауэре); ворон по-валлийски brân, так же звучит имя кельтского верховного божества, которое в зооморфной стадии было вороном, как Зевс – орлом, а Афина – совой (закон Рейнака); таким образом, Артур и функционально и этимологически отождествлялся с богом Браном.

6

Лоутеан – по-видимому, современное Лотиан, – название Южной Шотландии вплоть до залива Ферт-оф-Форт. Следует отметить, что в старинных англонорманнских и французских документах есть случаи транслитерации Lothian как Loenois, Loonois и пр., что существенно для атрибуции родины Тристрама, который носил прозвание Тристрам из Лиона, или из Лоэнуа, и т. п.

7

Моргауза, Элейна и Фея Моргана – единоутробные сестры Артура, дочери королевы Игрейны. Из этих трех персонажей одна лишь Моргана имеет многовековую традицию. Предтечей этого образа считают ирландскую богиню войны и смерти Morrigan, принимающую облик вороны, и в следующей стадии – бретонскую фею рек Морган. Имя Morgawse, по-видимому, – не более как иное прочтение Morgans, ибо в параллельных местах французских текстов вторая сестра анонимна (V 1283). Ниже она и у Мэлори фигурирует просто как королева

Оркнейская. Что же до третьей, Элейны, то она и как персонаж – создание Мэлори, который, быть может, прибавил ее «для круглого счета», будучи не чужд некоторым фольклорным приемам повествования, и дал ей одно из самых распространенных женских имен – Елена. (В книге Мэлори по меньшей мере пять персонажей носят это имя.)

8

Повезли короля навстречу врагу в повозке... и под Сент-Альбаном сошлись его воины с великим воинством Севера. – В этом описании, не имеющем параллелей во французском тексте (V 1284–1285), соблазнительно усмотреть аналогию некоторым событиям войны Алой и Белой Розы, современником и, возможно, участником которых был Томас Мэлори, приспешник влиятельного дома Варвиков. Северная Англия и Шотландия за это время неоднократно оказывались вражеской территорией для правящих королей (у Мэлори «The North fro Trent forwards», «the grete hoost of the North»). А под Сент-Олбаном (Saint Albons) произошли две крупные битвы, и в первой из них, происшедшей 22 мая 1455 г., больного короля Генриха VI действительно везли в повозке.

9

Собор святого Павла. – Мэлори, естественно, мог иметь в виду отнюдь не нынешний собор святого Павла, возведенный архитектором Реном в 1675 г., а собор XI–XIII вв., сгоревший во время пожара 1666 г., на месте которого он был построен (ср. Wr I, 11).

10

Французская Книга. – Кэкстон писал, что свой рассказ сэр Томас Мэлори, «подчерпнув из неких французских книг, на английском языке в кратком изводе составил». Действительно, тщательное текстологическое сличение,

проделанное Винавером, а позднее Лумянским с сотрудниками, показало, что каждая из восьми книг (кроме «Гарета»), составляющих Винчестерский манускрипт, имеет один или несколько «источников», большей частью французских, но также и английских, которые Мэлори использовал, заимствуя фабулу, некоторые описания, фразы и даже отдельные слова, производя при этом существенное «ужатие» и внося разного рода изменения. Такой вид авторства был в обычае в средневековой литературе – еще Лайамон на исходе XII в. в зачине своего исторического труда «Брут» перечисляет использованные источники и указывает на характер своей над ними работы («перевод» и «сокращение»).

Но рыцарь Мэлори, в отличие от клирика Лайамона, в обычной жизни не имел постоянно дела с книгами. Французские рыцарские романы и английские поэмы он читал, вероятно, в Ньюгетской тюрьме в Лондоне. Напротив Ньюгетской тюрьмы стояла францисканская церковь, подле которой Мэлори был впоследствии похоронен, а рядом с ней, в специальном здании, заложенном в 1421 г., находилась библиотека (ее основателем был прославленный мэр Лондона Ричард Виттингтон, герой английских сказок).

Сам Мэлори многократно ссылается по ходу повествования на «Французскую Книгу» в подтверждение истинности своих слов. Однако детальное сопоставление с параллельными французскими текстами, проделанное проф. Винавером для трехтомного издания 1947 г., наглядно показывает, что ссылки на «Французскую Книгу» можно найти у Мэлори и в тех разделах, источником для которых ему служили английские тексты (например, аллитеративная поэма «Morte Arthur», или там, где он выступает как оригинальный писатель в современном смысле слова (см., например, конец эпизода «Гавейн, Ивейн и Мархальт»). «Французская Книга» для Мэлори – часто символический научный авторитет, нередко фиктивный (в иных случаях это просто «Книга», the book). Ссылка на авторитетные источники – истинные или вымышленные – прием, широко распространенный. Еще Гальфрид Монмутский в описании Артура называет своим источником вымышленную, как считается, «книгу стариннейшую на языке британцев» (*Britanici sermonis liber vetustissimus*), в чем Чэмберс усматривает «шутку, или литературную условность, или же прямой обман» (см. Chambers E. K. *Sir Thomas Malory*. Oxford, 1922).

С этой точки зрения вопрос о том, переводчик Томас Мэлори или автор, теряет смысл, ибо его книга – «*historie*», как называет ее Кэкстон, по законам жанра должна иметь солидные источники и не содержать вымысла, т. е. правдиво

передавать рассказы прежних времен. Иное авторство для Мэлори было бы немыслимо.

11

...турнир с поединками... – В ориг.: a justes and a tournament, где первое понятие означает поединки всадников, вооруженных копьями, а второе – общее сражение участников, разделенных на две партии.

12

День Всех Святых (Alhallowmas) – праздник, установленный в Европе с VIII в. в честь всех святых и мучеников, известных и неизвестных. Отмечается 1 ноября. В канун этого дня исстари происходили народно-карнавальные действа.

13

...поклониться на книге... – В ориг.: to swere uppon a booke – т. е. на Библии. Такое словоупотребление – с неопределенным артиклем – характерное для ранней эпохи развития английского языка (вплоть до Шекспира), а в речениях сохранившееся до настоящего времени, отражает восприятие «книги», вообще писаного текста, как предмета мистического. Ср. ниже в Повести о Святом Граале, где с помощью «книги» (a booke) производится заклятье нечистой силы. Ср. также «Библия» – греч. ?????? букв. «книги».

14

Крещение Господне, иначе Богоявление – великий двенадесятый праздник 6 января в память о крещении Иисуса от Иоанна в Иордане («Еванг. от Матф.» 3, 3 – 14; «Еванг. от Марка» 1, 9 – 11; «Еванг. от Луки» 3, 21–22). По другим версиям христианского предания, в этот день поминается поклонение волхвов младенцу Иисусу.

15

Сретенье Господне (Candilmas, буквально «Праздник светильников») – праздник принесения младенца Иисуса в Иерусалимский храм и очищения Богородицы на сороковой день после Рождества, т. е. 2 февраля. В католической церкви контаминирован подобно православной масленице, с каким-то языческим праздником (возможно, с римскими «луперкалиями») и с древних времен носит латинское название Candelaria.

16

Пятидесятница – то же, что день Святой Троицы, празднуется на пятидесятый день после Пасхи (7 воскресенье). После норманнского завоевания стал называться обычно Whitsunday – «белое воскресенье» или Trynyte Sunday – «Троицыно воскресенье» (см. ниже кн. XXI), так что Pentecoste у Мэлори – из французского источника.

17

...лордам и общинам... (в ориг.: into his lordes and comyns) – Термин comyns в настоящем переводе передается по смыслу, как «народ», «простой люд». Однако в соответствии с контекстом было сочтено возможным в отдельных случаях воспроизвести эту политическую формулу так, как она дошла до наших дней, – ср. House of Lordes – House of Commons (палата лордов, палата общин), тем более что французские параллельные места этого слова не содержат; ср., с

другой стороны: «съехались все лорды, и собрался простой люд» (стр. 37) – или «поднялся простой люд Карлиона» (стр.44) и т. д.

18

Сенешаль – французское слово, по-видимому, германского происхождения (готск. «старый слуга» OED s. v.), управитель двора средневекового феодала, почетный титул и почтенная должность.

19

Коннетабль – В ориг.: conestable, из позднелат. comes stabuli, «верховный управитель конюшен», нечто вроде русского «конюшего». Слово привезено норманнами в Англию уже в значении «главный управитель двора, государства и армии». В переводе принята французская форма, более привычная для читающих по-русски.

20

Карлион – совр. Карлион на реке Аск в графстве Монмутшир, неподалеку от Ньюпорта. Там до настоящего времени сохранились развалины римского города Isca Silurum, которые описаны как местная достопримечательность еще хроникерами XII–XIII вв. Внушительные эти руины народная фантазия легко могла соединить с сюжетами Артуровских легенд (Wr I, 15).

Что до названия, то оно разлагается на две составные части: Caer (брит. лагерь, поселение, мб. < лат. castrum, ср. также Карнарвон, Кармартен, Кардифф) и leon < лат. legionis. Второй элемент также вошел во многие географические названия Европы начиная от испанского Леона, возможно также и франц. Лион, восходящий, с другой стороны, к лат. Lugdunum. При этом, по мнению

исследователей, здесь произошла контаминация двух различных по происхождению корней: лат. *legion*, с одной стороны, и с другой – имя кельтского божества света – ирл. *Lug*, валлийск. *Ilew* (см. Rhys C. *Studies in the Arthurian Legend*. Oxford, 1891). Этимология эта, как кажется, представляет интерес для объяснения столь большого количества в артуровских текстах якобы «львиных» наименований (ср. у Мэлори: Лионель, Лионетта, Лионесса, Лион и др.).

21

...вытащил он меч Эскалибур. – Одна из обычных у Мэлори – и тем более в его громоздких «источниках», авторских и доавторских – неувязок; см. ниже в тексте, где Артур добывает меч Эскалибур у Владычицы Озера (см. стр. 79). Этимология не ясна. Райт в примечаниях к тексту приводит отрывок из стихотворного романа «Мерлин» (XV в.), содержащий толкование этого имени (Wr, I, p. 18):

Ich am y-hote Escalibore

unto a kynge fayr thesore,

On Inglis is this writing:

Kerve steel and yron, and al thing!

Я зовусь Эскалибор,

Драгоценное сокровище короля,

По-английски же будет эта надпись:

«Разрубаю сталь, железо и все».

Это пример типичной средневековой произвольной «этимологии»

22

...и пригласит их явиться... – Здесь начинается Винчестерский манускрипт. Изданная проф. Винавером рукопись была обнаружена в июле 1934 г. в библиотеке Винчестерского колледжа библиографом У. Ф. Оукшотом. Первое сообщение об этой находке было опубликовано в «Таймсе» 23 июля 1934 г. Рукопись выполнена двумя писцами. Начальные восемь листов рукописи, а также листы 32–33, 347–348 и конечные 488–492 утрачены, и в этих местах Винавер перепечатывал текст Кэкстона.

23

...в добрых доспехах, как того требовал обычай тех времен. – Хотя персонажи Мэлори и принадлежат хронологически к VI в. (в той мере, в какой их вообще возможно соотнести с какой-либо реальной исторической эпохой), сам он писал в XV в. и отнюдь не ставил перед собой задачи придать своему тексту колорит старины – если отвлечься от архаизации «идеологической», которая выражалась в общей идеализации артуровских героев и обычаев прошлого. Поэтому даже о вооружении рыцаря, столь важном аспекте жизни героев, у Мэлори можно почерпнуть лишь самые общие сведения.

Итак, что можно сказать о вооружении рыцаря у Мэлори? Рыцарь – всадник, он тяжело вооружен – бесспорно, черта поздняя, передвигаться пешком практически не может (ср. эпизод с Рыцарем Телеги). Его оружие – копье (spear) и меч (sword), иногда еще пика (glaive). Меч висит у пояса на перевязи с пряжкой; копье – длинный шест с наконечником и со специальным перехватом на древке, обычно защищенным щитком. На спине у всадника на специальной перевязи висит щит. Копья – разной толщины и длины, в том числе особо прочные – квадратного сечения – везет за рыцарем оруженосец. На голове – шлем, более или менее закрытый, который прикрепляется к панцирю. Под шлемом, как и под панцирем, – слой тесно сплетенных металлических колец: кольчуга и кольчатый наглавник. Есть специальные латы для ног – поножи, наколенники и пр.; есть и латные рукавицы.

Готовясь к конному поединку, рыцарь перетягивает на плечо или вперед щит, берет копье, упирает его тыльным концом в специальный крюк – фокр, который, согласно словарю Брука (V 1710), расположен на луке седла, по данным

энциклопедии Брокгауза и Эфрона – на панцире у левой подмышки, а сколько можно судить из текста Мэлори, где-то на поножи (on their thighs). Поверх лат рыцари носили короткий широкий плащ, как правило расшитый геральдическими узорами, которые повторялись также и на щите. Облачиться в доспехи и, будучи в доспехах, сесть на коня рыцарь без посторонней помощи не может.

24

...потом позавтракали... – В ориг.: dyned совр. dined, «пообедал». В средневековой Англии трапеза, обозначаемая этим словом, происходила обычно очень рано, около 10 ч. утра (Wr I, 24). Это становится понятным в свете этимологии слова dine < средневеков. лат. disjunare, лат. disjejunare (dis + jejunium – «пост»). Таким образом, это же слово дало современное франц. dejeuner, «завтрак», и вполне аналогично английскому breakfast, которое и употребляет Мэлори в большинстве случаев. Интересно, что в современном языке английское dinner фактически обычно соответствует русскому «ужину».

25

...и пеших десять тысяч добрых бойцов. – Параллельные французские места не упоминают о пехоте при описании армии одиннадцати королей (V 1288). В связи с этим уместно вспомнить, что пешие полки лучников, составлявшиеся из свободных крестьян, сыграли немалую роль в рыцарских войнах позднего средневековья. Однако во время Столетней войны, события которой были так близки Мэлори, пешие полки были лишь в английских армиях, но не во французских (ср. их роль в победе при Кресси, 1346 г.). Следует также иметь в виду, что такие идеологи рыцарского века, как «сэр Томас Мэлори, рыцарь», и тем паче – более ранние рыцарские романы, естественно, относились к этой армии простолюдинов неприязненно (ср. ниже в тексте речь короля Лота).

26

Грамерси (graunt(e)mercy). – Язык, которым писал Мэлори, принадлежит к поздней разновидности среднеанглийского языка, уже пережившего натиск англо-норманнского и вышедшего из многовековой борьбы с ним преобразенным, но не утратившим своего собственного национального обличья. Для него, однако, характерно, даже в обиходе, присутствие не удержавшихся впоследствии галлицизмов, как вышеприведенное graumercy < фр. grand mercy, которое мы и сочли уместным, основываясь на существующей традиции передачи по-русски некоторых французских слов типа «бонжур», для создания колорита транслитерировать в тексте перевода. Помимо общеязыковой тенденции, заметно еще и личное пристрастие Мэлори к воспроизведению в английском тексте французских слов, особенно непонятных.

27

Гвинас де Блуа – в оригинале здесь Gwyniarte de Bloy, ниже Gwynas. Выделение форманта -arte подтверждается аналогией Borre – Boarte.

28

Наставник Мерлина Блэз (C: Bleyse; W: Bloyse) – В текстах французских артуровских романов после Кретьена де Труа имеются в нескольких случаях ссылки на авторитет знаменитого «повествователя» (fabulator) из Уэльса по имени Bleheris, валлийск. Bledfri. Это – историческое лицо, представляющее большой интерес для исследователей, поскольку он указывает скорее на валлийское, а не бретонское происхождение этих сюжетов.

Трансформировавшись в «летописца» Блэза, Блехерис нашел свое место и у Мэлори.

29

Шервудский лес. – Знаком русскому читателю как место действия знаменитых баллад о Робине Гуде. По происхождению слово sherwood означает лес (wood) в пользовании у всего графства (shire), «общий лес». И, стало быть, такое название могли носить леса в самых разных местностях.

30

Борр (Borr). – Значительно позже, в тексте «Исцеления сэра Уррия», фигурирует «sir Boarte le Cure Hardy, that was kynge Arthurs sone» сэр Борр-Бесстрашное сердце, сын короля Артура» несомненно, тот же персонаж, что подтверждается также аналогией форм имени Gwynas – Gwyniarte. В переводе для обоих случаев принята одна форма – Borre.

31

Гавейн. – Этот персонаж имеет почти столь же древнюю и славную историю, как и сам Артур. В нем сохранились черты «солнечного» героя первобытно-магической культуры. Самое имя Гавейн (лат. Walwanus бретонск. Walwein) содержит свидетельство о генетической связи с валлийским фольклорным образом Гури Золотоволосым, или Длинноволосым, валлийск. [Gwry] Gwallta(d)vwyn ? Galvagin ? Galvain ? Gauwain. Об его популярности в Британии можно судить хотя бы по тому, что именно он является протагонистом героической аллитеративной поэмы XIV в. «Morte Arthure», выступая там в качестве эпического героя, своего рода английского Роланда. Однако Гавейн раньше и в большей мере, чем Артур или Ланселот, подвергся общей тенденции развенчания и низвержения героев, и среди источников Мэлори (как и в ряде других текстов), по крайней мере некоторые, рисуют его в явно отрицательном свете – и трусливым, и хвастливым, и мстительным, и проч. (Правда, даже будучи возвеличенным героем МА, Гавейн все-таки преспокойно обращается за помощью тогда, когда Роланд отказывался затрубить в рог, так что этот мотив можно считать английским национальным вкладом в развитие образа эпического героя.). У Мэлори в трактовке образа Гавейна нет последовательности – он дается то в положительном, то в отрицательном освещении, в зависимости от «про-Гавейновской» или «анти-Гавейновской»

Зверь Рыкающий – подробное описание этого мифического животного см. в кн. IX. Мотив этот, имеющий, вероятно, восточное происхождение (см. Веселовский А. Н. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872), у Мэлори не разработан, а использован лишь как признак, характеризующий сначала Пелинора, а позднее Паломида. Ср. два меча как признак Баина (кн. II), сюжетно настолько несущественный, что с потерей одного меча герой объявляется безоружным, – одна из тех неувязок, какими нередко грешат объемистые книги, не обязательно средневековые.

Купить: https://tellnovel.com/melori_tomas/smert-artura

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)